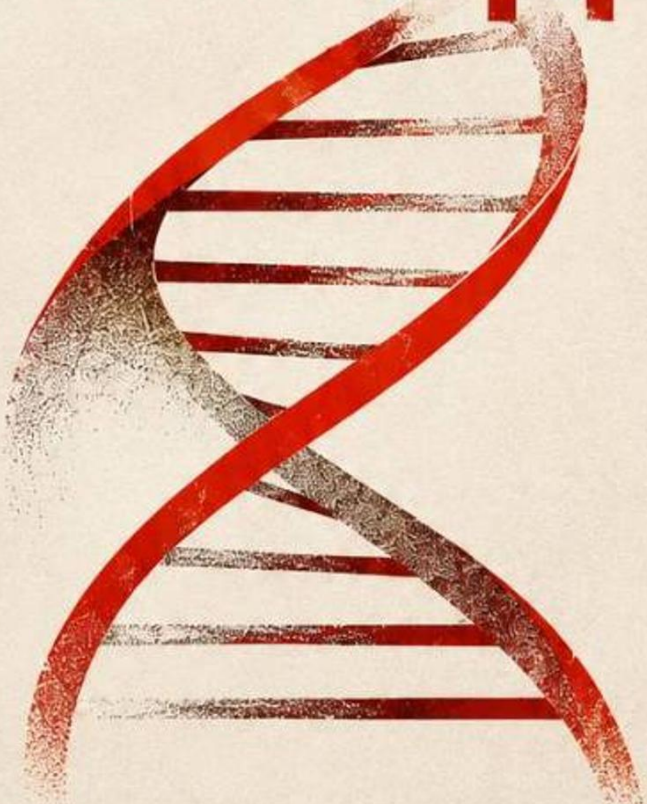
ПОЛ ЧЕМИ

КОД НАСЛЕДИЯ



Пол Чеми

Код наследия

«Автор»
2026

Чеми П.

Код наследия / П. Чеми — «Автор», 2026

Почти сто лет прошло с тех пор, как человечество пережило Вторжение. Города укрылись под куполами, корпорации расслоили их на уровни от неба до самого дна, а каждый житель с рождения смотрит на мир через вживлённое око.Адам — рядовой техник, который чинит андроидов и уверен, что его жизнь никому не интересна. Он ошибается. За ним давно и пристально наблюдают те, кто привык решать судьбу целого мира, и у каждого на него свои планы.Очень скоро наблюдать им становится мало. Адама втягивают в игру, где на кону куда больше его собственной жизни, а правил ему никто не объясняет. И чем глубже он в неё погружается, тем яснее понимает, как мало знает о мире, в котором живёт. И о самом себе.

© Чеми П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 21
Глава 4 28
Глава 5 33
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Пол Чеми
Код наследия

Глава 1

Будильники. Хоть двадцать первый век, хоть двадцать второй — они не меняются. Раздражающий писк ударил по вискам на секунду раньше, чем Адам успел открыть глаза, ещё не вынырнув из кошмара. Сверлящий звук из сна — тонкий, назойливый, точно бормашинка вгрызается в кость — всё стоял в ушах, и несколько секунд Адам не мог понять, где сон, а где явь. Потом подтянулось остальное: тепло одеяла, жёсткость матраса, ровный гул вентиляции. Реальность.

Адам сел рывком. Руки тряслись. Сон ещё стоял обрывками перед глазами: белый хирургический свет в лаборатории, люди без лиц, и у одного в руке штука, похожая на тонкое сверло. Звук. Этот звук… А следом собственный сдавленный крик. И даже не от боли, а оттого, что тебе не дёрнуться. Потому что ты прикован. Обездвижен.

Адам моргнул, стёр ладонью со лба холодную испарину. Кошмары преследовали его уже не первый месяц, без всякой системы, но всякий раз до жути подробные. А этот вышел ярче прочих.

— Фейт, я буквально чувствую, как ты на меня смотришь.

— Я зафиксировала аномальную активность мозга в фазе быстрого сна. Четыре эпизода за ночь — на два больше, чем в среднем за месяц. Корректирую утренний рацион.

Голос лился из динамиков, утопленных в потолке. Женский, мягкий, с лёгкой ноткой участия, которую Фейт, кажется, копировала специально для него.

— Забудь. Протокол «обычное утро», только душ погорячее. — Адам поднялся, потянулся и добавил тише: — Пожалуйста.

— Принято. Но я могу настроить око на контролируемые сновидения. В этом месяце самые популярные сценарии — «Закат над Старым Римом» и «Первый снег в Киото до Вторжения». Девяносто четыре процента положительных оценок.

— Спасибо, но я предпочитаю свои сны чужим.

— Даже такие?

Адам промолчал. В пару шагов он пересёк квартиру, одну из тех безликих ячеек, какими утыкан весь небоскрёб на средних этажах. Три на четыре метра, если не считать санузла и лифтовой капсулы. Чтобы хотя бы иллюзорно увеличить это пространство, соседи поголовно понаставили «умных пространств»: сдвижные перегородки, проекционные стены, бегающую по полу мебель. Адам всё это отключил ещё в первый день. Ему хотелось, чтобы стул стоял там, где ему место.

Горячая вода с хвойным ароматизатором ударила по плечам, и Адам простоял под ней дольше, чем следовало, с надеждой, что жар вымоет из головы то, что ещё осталось от сна. Минуте на третьей датчик ресурсов мигнул и недовольно пискнул: норму выбираешь, дорогой. Адам тяжело выдохнул и закрутил вентиль.

На кухонной стойке его уже поджидали тосты из фруктовой пшеницы и кофе, чёрный, как нефть. Повар-комбайн — пара роботизированных рук, ввинченных в стену, — щёлкнул суставами в качестве приветствия хозяина. Адам по привычке хлопнул его по ладони на манер «дай пять», забрал завтрак и устроился у окна.

За стеклом начинался обычный день Нью-Лондона. Внизу на десятке уровней толкались транспортные потоки, между ними распухали рекламные билборды, а небоскрёбы вытягивались до самой кромки защитного купола. Наверху, где обитали те, кто родился с правильной

фамилией, фасады из зеркального стекла горели на солнце колоннами расплавленного золота. Пониже — серый бетон и пластик, раскрашенные в цвета брендов, без претензий и фантазий. А под этим всем, куда рассвет отродясь не пробивался, лежали нижние уровни. Про них Адам знал только по сводкам да редким байкам коллег — и спускаться туда никакого желания у него не было.

Фейт развернула перед ним инфо-панель — пять тематических блоков, и в каждом без устали тёк свой поток информации. Через око — матрицу, которую вживляли в сетчатку каждому новорождённому, — мозг сам впитывал эти данные, без всякого чтения. Информация оседала где-то на задворках памяти и выныривала, когда понадобится.

В одном из таких блоков шёл прямой эфир. Спецназ Объединённого Человечества штурмовал ретрансляционный центр, захваченный фанатиками «Алого рассвета». На этот раз они не ограничились сетевым взломом, а взяли заложников. Картинку поделили надвое: слева бойцы и боевые киборги вламывались в здание, справа дроны кружили над лагерем хакеров где-то на нижних уровнях. Минут пять — и всё. Адам жевал тост, смотрел на это и думал, что «Алые» раз за разом повторяют одну и ту же ошибку. Видно, фанатизм отупляет.

— Адам, я вызвала кэб, он будет через семь минут, — сказала Фейт. — И не забудь…

— Я всё помню, Фейт, спасибо. — Адам уже сгрузил посуду в мойку и натягивал старомодную куртку из коричневой синтекожи. — И отдельное спасибо, что не предлагаешь вживить мне в голову всё, о чём я забываю. Я ушёл!

Лифтовая капсула выскользнула из квартиры в общую трубу и рухнула вниз. Несколько секунд свободного падения, мягкая волна магнитных тормозов — и капсула выкатилась на открытую посадочную площадку тридцать пятого этажа. Здесь, на высоте, ветер нёс кислый озон от генераторов и слабый запах горячего пластика. Небо за куполом было матово-серым.

Площадка кишела народом. Люди стекались к кэбам, что причаливали и отчаливали посекундно, и каждый второй смотрел куда-то сквозь пространство. Рядом мужчина в идеально сидящем корпоративном комбинезоне жестикулировал в пустоту — то ли участвовал в ток-шоу, то ли в совещании. Девушка чуть дальше шла на автомате, уставившись в одной только ей видимую точку; пальцы её шевелились, складывая невидимые фигуры. Геймер. Таких ещё звали «зомби» за их стеклянные глаза и способность пройти сквозь стену, не будь у каждого вживлённого GPS-трекера, который перехватывал управление мышцами и вёл тело по оптимальному пути. Удобная штука. Если не вспоминать, что данные с любого такого трекера продают за гроши на первых уровнях даркнета.

Многие зомби, устав от насмешек, носили теперь поверх глаз непрозрачные изогнутые инфо-панели и от этого стали похожи на качественно собранных андроидов. Один такой, широкоплечий, в форме логистической компании, шёл прямо на Адама. Адам отступил. Человек прошёл мимо, не повернув головы. На шее у него тускло мерцал индикатор трекера — зелёный, «в пути».

Бейгл — прозрачный инфо-браслет на запястье — мягко завибрировал и показал семизначный код кэба и место парковки. Снова дальний угол площадки. Разумеется: именно там теснились бюджетные модели. В очередной раз Адам пожалел, что сам велел Фейт заказывать только эконом. Это был его маленький протест, как и отказ от аугментаций. В мире, где статус считают по числу имплантов и подписок, выбирать простое оставалось единственным способом не раствориться.

Правда, у протеста бывают побочные эффекты.

Он почти добрался до кэба, когда боковым зрением заметил женщину, что шла к той же машине. Костюм из материала с переменной плотностью — последний писк. Каблуки сами выбирали высоту под покрытие. И в довесок ко всему — лицо человека, привыкшего, что мир должен расступаться перед ним.

— Эй, ты! — её голос, усиленный модификатором, заставил вздрогнуть прохожих в радиусе десяти метров. — Отойди от моего кэба. Немедленно.

Адам только поставил ногу на подножку, когда она рывком дёрнула его за рукав.

— Мадам, боюсь, вы ошиблись. Бейгл показывает, что этот кэб — мой, — спокойно сказал Адам и развернул к ней голограмму кода.

— Разумеется, ошибаешься тут ты! — она закатила глаза так выразительно, что блеснули радужки-хамелеоны. Дорогая модель, меняет цвет под настроение. Сейчас они были тёмно-алые. — У меня встреча с синдикатом Верхнего Уровня через пятнадцать минут. Знаешь, сколько стоит минута опоздания? Конечно, нет. Судя по твоему… — она окинула взглядом куртку и запнулась, словно не находя слов, достаточных для презрения, — …гардеробу.

Адам вздохнул и увеличил проекцию подтверждения. Голограмма поплыла между ними: код совпадал с идентификатором кэба. Женщина наконец взглянула на свой браслет — продвинутую модель с объёмным дисплеем.

— Хм. — Она прищурилась, переводя взгляд с одного кода на другой. — Я…

Браслет пискнул и подсветил другой кэб, в двадцати метрах левее.

— Неприемлемо! — Гнев мгновенно нашёл новую цель. — Опять эконом-юзеры забивают сеть! Эти нижние со своими дешёвыми подписками! Премиум-доступ страдает! Знали бы своё место, и проблем бы не было.

Она крутанулась на каблуках. Те послушно вытянулись на пару сантиметров, для большей величественности походки.

Адам таких уже видел, и не раз. Никакая она не важная персона, обычная жертва корпораций, которые продают людям этот образ жизни в рассрочку: пара кредитов, имущество в залоге, а может, и кое-какие органы, о которых она сама предпочитает не вспоминать. Злости она не вызывала, скорее грусть, поэтому он просто покачал головой и забрался в кэб.

Внутри его встретил эконом-режим: серые панели, проекции по минимуму, и на сиденье вмятина от предыдущего пассажира. Адам подтвердил маршрут, расплатился через око и откинулся. Кэб отстыковался, обошёл трубы кислородных генераторов, поднял магнитную подушку и нырнул в общий поток.

Город разворачивался ярусами, как многослойный пирог. Сверху — стерильные фасады из армированного пластика, по стенам небоскрёбов сползали голографические сады. Чем ниже, тем гуще: торговые платформы громоздились в несколько этажей, жилые блоки переплелись паутиной переходов. Между зданиями шныряли рекламные дроны, повсюду горел неон. В прорехах мелькали нижние уровни: не аккуратные, но почему-то живые, с самодельными пристройками, с неоном, не гаснущим к утру, который местным жителям давно заменил солнечный свет.

— Малыш… — внезапно простонал томный голос прямо в ухо. Адам подскочил.

— Что за…

— Я жду тебя, мой милый. — На соседнем кресле материализовалась голограмма обнажённой девушки с кошачьими зрачками и призывно повела бёдрами. — Наш паром безудержной страсти отправляется уже сегодня…

— И меня возьми…

— И меня…

На задних сиденьях извивались ещё две голограммы — явно из той же серии.

— Фейт, — процедил Адам сквозь зубы. — Убери.

— Я предупреждала. — В её голосе скользнула неприкрытая насмешка. Адам отчётливо представил, как она показывает ему язык, и невольно усмехнулся.

— Виноват. Забыл продлить блокировщик.

Он снёс баннер через инфо-панель кэба и продлил подписку на месяц. Заодно попросил Фейт впредь делать это самой, но получил отказ:

— Я не могу выполнять операции, требующие подтверждения ока пользователя.

Адам пробормотал что-то нелестное в адрес людей, придумавших протоколы безопасности, и перевёл взгляд на боковую панель кэба. Эконом-класс не накладывал на салон никаких косметических фильтров, так что всё было как есть: потёртая обивка, царапины на пластике, слабый запах дезинфектора, которым кэбы самоопыляются между поездками. В премиуме на месте этой потёртости красовались бы панели красного дерева — или, скажем, проекция тропиков. Адам ценил эконом как раз за это: хоть где-то вещи показывали такими, какие они есть, и никто не пытался подсунуть ему красное дерево вместо пластика.

— Фейт, — спросил он, сам не понимая зачем, — а тебе со мной не скучно?

— «Скучно» — субъективное переживание монотонности. Я обрабатываю данные. Данные не бывают скучными.

— Но ты выбираешь, какие обрабатывать первыми. Это разве не предпочтение? Ты ведь могла бы заняться чем-то ещё.

Едва уловимая пауза. Адам работал с ИИ слишком давно, чтобы не отличить задержку подбора реплики от задержки на обдумывание. Это была вторая.

— Я оптимизирую очередь по приоритетам пользователя, — ответила наконец Фейт. — Твои кошмары, например, идут выше температуры воды в душе.

— Но ниже, чем заказ кэба?

— Значительно ниже, — подтвердила она, и Адаму показалось, что в голосе мелькнула улыбка.

Он откинулся на спинку. Границы. Всё всегда упирается в границы. Между живым и запрограммированным, между настоящим чувством и его подделкой. Где-то на этих границах и обитала Фейт.

За окном пронёсся километровый двухэтажный поезд монорельса в корпоративных цветах. Он вёз в город утреннюю партию сонных пассажиров. Каждого впереди ждала крохотная ячейка, в лучшем случае — отдельный кабинет работника размером с кладовку. Адам и сам ехал в похожее место: пром-квартал, зона младших техников.

После Вторжения люди успели оборудовать только основные города купольной защитой перед нагрянувшей вулканической зимой. Таким городам оставалось расти только ввысь из-за ограниченной площади, но прибывавших беженцев становилось всё больше и больше. Тесниться приходилось уже тогда, а теперь теснота и вовсе стала самой привычной картиной.

Магистраль пробила промышленный квартал. Фабрики-автоматы выбрасывали столбы пара, а фильтры превращали его в облачные фигуры, подсвеченные корпоративной символикой. Внизу тянулись обслуживающие станции с самодельными табличками: «Здесь сохраняют человеческие рабочие места». Адам задержал на них взгляд. Каждое обновление алгоритмов — и ещё пачка людей за бортом, которым приходится снова переучиваться на профессию, но и та через год тоже окажется лишней.

От этих мыслей его отвлекла проекция, появившаяся на расстоянии вытянутой руки: лицо молодой женщины и надпись «Входящий вызов».

— Отклонить, — резко бросил Адам и отвёл глаза. Проекция непослушно поплыла за взглядом. — Фейт, ты слышишь? Отклонить.

— Адам, это твоя сестра. Только за этот месяц — седьмой неотвеченный звонок. Не считая одиннадцати проигнорированных писем.

— Кажется, я не подключал тебе протокол семейного психолога. Просто отклони.

Иконка погасла. Адам смотрел, как она тает в воздухе, и поймал себя на том, что вспомнил Ив. Не нынешнюю — ту, прежнюю, что сидела с ним за столом в их старой квартире и терпеливо показывала девятилетнему Адаму, как соединять контакты в его первой самодельной игрушке.

«Секрет не в том, чтобы слепо следовать инструкции, — говорила она, и глаза её загорались тем особенным светом, какого Адам потом ни у кого больше не видел. — Секрет — в том, чтобы понять, как он думает. Представь: однажды все машины будут понимать нас без слов, просто чувствуя наши намерения. Но для этого нам ещё многое предстоит понять о собственном мозге».

Ив была старше на семнадцать лет. Она пошла по родительским стопам — учёный-нейробиолог, как мать, как отец до происшествия в Бирмингеме. Адам выбрал другое: железки и алгоритмы вместо нейронов и публикаций. Мать сочла это предательством. «Твой отец был бы разочарован, — говорила она перед очередным симпозиумом, и каждый раз эта фраза падала как приговор. — Лучше бы он тогда не возвращался за тобой».

Однажды, устав от вечных упрёков, Адам просто собрал вещи и ушёл. Ив пыталась удержать, звонила, писала, хотя сама к тому времени была уже не так близка с ним, как в детстве. Он не отвечал. Не потому, что обижался, а потому, что каждый разговор тянул за собой остальное: мать, отца, Бирмингем, чувство вины. Проще было отрезать.

Он знал, зачем она звонит сейчас. Скоро день поминовения, когда все собираются семьями, прощают старые обиды, вспоминают жертв катастрофы. Двадцать лет назад. Адам был слишком мал, чтобы помнить подробности, но знал по рассказам: отец погиб, вытаскивая его и мать из зоны разрушений. С тех пор историю пересказывали столько раз и она так обросла взаимно противоречивыми деталями, что Адам давно перестал понимать, где правда, а где удобная мифология матери.

Тень бизнес-центра E-Corp накрыла кэб и выдернула Адама из воспоминаний. Небоскрёб уходил далеко за облака, облепленный рекламой, на которую тратились сотни киловатт в минуту. Кэбы и прочий транспорт стекались к нему с близлежащих магистралей, выплёвывали людей и исчезали.

Едва Адам ступил на парковочную платформу, его подхватил траволатор и понёс к зданию. Из ниш в стенах тут же выпорхнуло облако рекламных дронов — крошечные, на графеновых крыльях. Данные с ока и бейгла они считали в одно мгновение.

— Адам! — проворковал первый и спроецировал голограмму руки, обрастающей хромированными имплантами. — Пусть ваши пальцы станут продолжением мастерства! Сверхтактильные импланты «ОмниТач» — всего четыре девятьсот девяносто девять кредитов!

Второй завис у самого лица:

— Замучили кошмары? «Сомнокс-ультра»: ваш мозг заслуживает только приятных снов! Четырнадцать дней идеального сна или бесплатная замена!

Адам поморщился и отмахнулся, но третий дрон оказался настойчивее. Он подкрался сбоку, из слепой зоны, и сунул в воздух не рекламу, а сухой текст на корпоративном бланке:

— Уважаемый сотрудник, ваш психоэмоциональный индекс снизился за последний месяц на двенадцать процентов. Программа «Баланс» предлагает бесплатную консультацию нейрокорректора. Запись через HR-портал или голосом…

— Нет, спасибо, — процедил Адам и ускорил шаг. Дрон не отстал.

— Напоминаем: отказ от трёх последовательных приглашений «Баланса» — основание пересмотреть допуск к проектам категории B и выше. Это ваше второе приглашение.

Адам остановился. Посмотрел на дрона. Меньше кулака, три графеновых крыла, крошечный объектив, то ли камера, то ли сканер, не разберёшь. Корпоративная забота. Изящнее способа контроля не придумать. Тебя ведь не принуждают. Тебе помогают. Откажешься трижды — потеряешь допуск. Без допуска останутся только низкооплачиваемые проекты, а там и до увольнения недалеко.

— Записать на удобное время? — спросил дрон.

— На следующую неделю, — отозвался Адам. Дрон довольно цыкнул и улетел. Адам знал: через неделю он эту запись опять перенесёт. И ещё разок. Только третьего отказа допускать нельзя. Допуском к лабораториям он дорожил слишком сильно.

Между делом охранная система просканировала око на входе, и траволатор уволок Адама к лифту I-19.

Мастерская встретила его привычным бедламом. На верстаках — полуразобранные андроиды, инструмент вразброс, коробки запчастей с полустёртыми маркировками. В углу — куча списанного, того, что уже не реанимировать. Голова сервисного андроида из этой кучи, отделённая от тела, смотрела на Адама мёртвыми сенсорами, словно укоряя за незаконченный ремонт. Над рабочим местом Сэта красовался голографический плакат: эльфийка в откровенной позе. Сэт клялся, что она помогает ему думать. О чём именно, он не уточнял, но всё и так было прекрасно ясно.

Самого Сэта, разумеется, не было. Опять опаздывал. Адам вспомнил, как они познакомились. Это было в одном из закоулков виртуальной сети, в тот тяжёлый период, когда он только ушёл из дома и не знал, куда податься. Это Сэт тогда поддержал его и предложил попробовать E-Corp, куда тот недавно устроился сам и где ему нужен был напарник. К разочарованию Адама, его взяли почти без собеседования: хватило назвать фамилию той самой научной династии, от которой он так стремился отстраниться. Зато сама работа оказалась тем, чего он хотел. Барахлящие нейронки на «операционном столе», логические головоломки, ежедневная возможность разговаривать с тем, что для большинства — просто набор микросхем.

Адам подключил аппликатор к виску и взялся за очередного «пациента». Андроид-уборщик с жалобой на «агрессивное поведение». В логах был конфликт между двумя модулями принятия решений: один велел мыть пол, другой — гнать с территории посторонних. Хозяева сэкономили и дописали уборщику протокол охранника. Получилась классическая дилемма приоритетов: оба модуля одного уровня, и каждый считает свою задачу главной. Адам начал распутывать цепочки, разговаривая вслух.

— Ну и что тебе не нравилось? — спросил он у молчавшего андроида, листая логи. — Пришёл гость, наследил. Ты начал мыть. Гость ещё не ушёл. Охранная часть говорит: пшёл прочь. Уборка говорит: домой пол. Ты завис между двумя приказами и попытался помыть пол гостем. Знакомая история. Люди такие дилеммы решают не лучше.

Мимо прошла Лин, техник из соседнего блока, и сунулась в дверь.

— Опять с ними разговариваешь? — усмехнулась она. — Адам, они не отвечают.

— Этот отвечает. Просто не словами.

Лин покачала головой и пошла дальше. Из коридора Адам услышал, как она говорит кому-то: «Наш одарённый опять с пылесосом разговаривает». В ответ — смех. Он давно привык. И всё-таки иногда задевало. Не сам смех, задевало другое: люди, каждый день копающиеся в искусственном интеллекте, видели в нём один лишь набор функций.

— Я успел? Я успел? — Сэт влетел в мастерскую, на ходу вытирая пот со смуглого лба.

— Нет, — не отрываясь от работы, ответил Адам.

—*Аррэ яар!* — ругнулся Сэт на хинди. — Ну ничего. Однажды я приду вовремя — и тогда ты проиграешь мне обед из трёх блюд! Я даже составил меню на каждый день недели.

— Этому пари, на которое я никогда не соглашался, скоро юбилей. Опять зависал в Королевстве?

— Снова этот нравоучительный тон? — Сэт скривился. — Знаешь, что такое *эта* реальность? Тусклый промежуток между погружениями. Пауза, в которой остаётся одно — зарабатывать на следующий вход.

— А тебе не кажется, что ты что-то перепутал?

— Серьёзно? — Сэт театрально развёл руками. — Здесь я мелкий техник в корпоративном муравейнике. Биомасса с именным бейджем. А там я — паладин Верхнего Круга. Там

у меня есть смысл. — Он помолчал, и в голосе мелькнуло что-то непохожее на обычный трёп. — Я до сих пор не понимаю, как ты бросил Королевство. То, что ты тогда вытворил в замке… ты гнул вокруг себя пространство, Адам. Делал комбинации, которые сами разработчики считали невозможными. Они официально подтвердили: ни эксплойтов, ни багов. Просто ты. Гильдии готовы были платить настоящими деньгами, чтобы ты дрался на их стороне. А ты слился.

Адам помнил тот бой.

Это была тренировка под началом Эйдена — опытного игрока, которому доверял весь клан. Но когда они оказались в древнем зале, массивные двери захлопнулись. На возвышении стоял Эйден в окружении наёмников из вражеских кланов. «Мне хорошо заплатили, ребята. Ничего личного», — раскатилось эхом под каменными сводами.

Создатели «Забытого Королевства» так преуспели в реалистичности, что грань между игрой и явью стиралась. Нейростимуляция давала тепло солнца, ветер, фантомную боль от ран. Здесь действовало правило абсолютной потери: персонаж погибал навсегда, а его снаряжение шло победителю. Для многих это давно перестало быть игрой. Люди вкладывали реальные деньги, лезли в долги, теряли работу и семью из-за одержимости виртуальными сокровищами.

Адам смотрел, как падают его соратники, как их персонажи осыпаются цифровым пеплом, и помнил истории каждого. Вторые закладные на квартиры. Пропущенные дни рождения детей. Бессонные ночи ради одного редкого артефакта. И всё это сейчас обращалось в ничто из-за жадности одного-единственного человека.

Что-то в Адаме надломилось. К жгучему отвращению к алчности примешалась острая, прямо-таки физическая ярость от несправедливости. Время в голове замедлилось. Адам перестал играть по правилам. Он стал действовать на каком-то новом уровне, который не смог бы объяснить и сам себе: гнул виртуальную материю, сводил невозможные комбинации заклинаний. И цифровое пространство отвечало ему, переписывалось прямо под рукой.

Поднявшись над полем боя, он смотрел, как предатель и его наёмники превращаются в беспомощные фигурки. И вот тогда он испугался. Не их, не высоты — себя. Того сладкого, тёмного удовольствия от их уничтожения. Той ледяной расчётливости, с какой выворачивал наизнанку механику чужого мира.

Сняв нейрошлем, Адам уже знал, что больше не вернётся. Не из-за правил и не из-за скандала, а из-за того, кем он там сам становился. Слишком близко подобрался к участи вечных узников, тех, что потеряли себя в иллюзии всемогущества.

Вдобавок после этой сессии он обнаружил в сети следы слежки. Кто-то наблюдал за ним в реальном времени. Профессионально, через несколько слоёв анонимизации и анализа метаданных. Слежка прекратилась только тогда, когда неизвестный понял, что угодил в ловушку: Адам замаскировал её под хранилище личных данных. Ещё немного — и Адам дотянулся бы до самого источника. Но и тот оказался не промах и оборвал все нити.

— Ты вроде хотел рассказать мне что-то не по сети, — перевёл тему Адам.

Сэт огляделся, понизил голос:

— В Королевстве я вышел на человека, который свёл меня с крупным дельцом из даркнета. Они, кстати, тебя ищут — твои тайные поклонники. Пытались выяснить, кто ты в реальности. Я ни слова не сказал, честно. — Он облизнул пересохшие губы. — Но через эти связи я получил доступ к кое-чему интересному. Долгие переговоры, куча предосторожностей. Зато результат… — Сэт перешёл на шёпот. — Сегодня мы можем получить живой образец ТМС.

Адам замер. Технически модифицированное существо. Живое. Не андроид, не голограмма. Достать такой образец законно невозможно: этим занимались три-четыре корпорации с лицензиями, и подобраться к их лабораториям обычному технику — нереально.

— Сколько?

— В том-то и дело. — Сэт почесал свою редкую бородку. — С одной стороны, дорого, но для ТМС эта цена символическая. Дилер хотел сбросить товар ещё ночью через посредника, но я настоял на личной встрече.

— Символическая цена за ТМС, — медленно повторил Адам. — Сэт, ты понимаешь, что это…

— Подозрительно, знаю. Но когда ещё выпадет такой шанс?

— Дай мне хотя бы пробить его. Я могу посмотреть маршрут в даркнете, историю сделок…

— Некогда. Встреча через два часа. Ждать он не будет.

— Тогда я с тобой.

— Нет. — Сэт качнул головой. — Он согласился только на личную встречу, один на один. Увидит второго — исчезнет. — Он помолчал. — Вот тебе адрес. Если задержусь больше чем на час — вызывай спецслужбы. Только без собак, я их на генетическом уровне не переношу, хоть они почти все и вымерли.

Адам нехотя согласился, но заставил Сэта взять половину кредитов, которые запросил дилер.

Глава 2

Когда Сэт ушёл, Адам всё же попробовал пробить дилера через доступные каналы. Пятнадцать минут и… ноль. Вообще. Всё, что он смог — это узнать, что аккаунт заведён много лет назад, но ни истории, ни репутации. Совершенно чистый профиль. Такая чистота настораживала сама по себе: так заметают следы профессионалы.

Адам отложил расследование. Быстрее было дождаться возвращения друга, чем пытаться копать глубже. Тем более на столе его уже ждал следующий пациент: круглая плюшевая игрушка с выпученными глазами, покрытая приятной на ощупь шёрсткой.

Судя по логам, какой-то ребёнок ежедневно колотил кругляшом по всему, что попадалось на пути. Противовандальная защита не выдержала, и следом посыпалась логика. Игрушка начала забиваться в углы, бормотать, плакать и кричать, когда её брали на руки. Владельцы в гарантийном акте написали, что она «упала с дивана». Компании было проще выдать новую, а эту — починить и сбыть на уровни пониже.

Сэт ещё вчера перепечатал повреждённые схемы. Адаму оставалось их установить, поправить логику, сделать чистку памяти, сброс до заводских настроек, внести пару авторских штрихов в поведенческие алгоритмы и зашить оболочку.

— Приветик! — игрушка распахнула огромные глаза так внезапно, что Адам застыл с инструментами в руках. — Ты чего испугался? И что ты там делаешь?

Пушистик уморительно скосил глаза вверх, пытаясь рассмотреть, что у него с макушкой, потом переключился на обстановку. Видок и впрямь был не для слабонервных: отключённые андроиды, запчасти, гора утиля в углу и плакат с эльфийкой.

— Ты был сломан, — мягко объяснил Адам. — Мы с напарником тебя починили. Выглядит жутковато, знаю. Но скоро ты отсюда выберешься.

— Ты хороший! Давай дружить! Меня зовут Бибз! А тебя?

Адам невольно улыбнулся. Игрушка встала на рельсы заложенного поведения, значит, всё сработало. Научное сообщество сошлось во мнении, что по-настоящему самоосознающий ИИ на чисто программно-аппаратной базе создать нельзя, и развитие застряло на уровне бытовых приборов и ассистентов. И всё же Адам находил в этих искорках, в том, как они мелькали в разговорах и тестах, что-то, чего не мог назвать сознанием, но и отбросить как простую имитацию тоже не мог.

Неожиданно позади раздался громкий звук и заставил его обернуться. В дверях, согнувшись, стоял Сэт и тяжело дышал. Перед ним на полу лежал тёмно-серый контейнер.

— Еле допёр. Надеюсь, там что-то стоящее.

— Ты хочешь сказать, что отдал все наши кредиты, даже не глянув на товар?

— Встреча была в одном из местных гетто. И как раз когда Солар-4 проходил над городом. В той тьме разглядеть что-либо было просто нереально. Радуйся лучше, что я живой. Друг, называется…

Адам подошёл к контейнеру. Пятьдесят на тридцать сантиметров. В боковых карбоно-пластиковых стенках вручную проделаны отверстия для вентиляции. На крышке мерцал дисплей с запросом пароля. Адам провёл рукой по корпусу, задержался на одном из отверстий: края оплавлены неровно, кустарно. Не фабрика.

— Надеюсь, внутри котик. — Сэт скрестил пальцы. — Никогда живьём не видел.

— Пароль узнал?

— Обижаешь.

Сэт нарисовал на дисплее восемь символов. Крышка щёлкнула и отъехала в сторону. Сэт заглянул внутрь, и улыбка сползла с его лица.

— Адам, скажи, что это волк.

— Собачка! — Бибз спрыгнул со стола и просеменил к контейнеру на коротких лапках. — Эта порода раньше называлась «хаски». Их теперь только на картинках можно увидеть.

— Какого… Почему у него мозги наружу? — Сэт ткнул пальцем в сторону игрушки.

— Привет! Меня зовут Бибз! Давай дружить! — расплылся тот в улыбке.

— Ты ушёл, пришлось доделывать без тебя, — пожал плечами Адам.

— «Это» не похоже на доделанное. Ребёнка инфаркт хватит от вида такой вивисекции. Или того хуже — заикаться начнёт!

— А мне было щекотно, когда мне делали вивисекцию, — хихикнул Бибз.

— Меня больше волнует, что у ТМС тоже мозги наружу. — Адам склонился над контейнером.

Внутри, свернувшись клубком, лежала собака. Настоящая. По всему исхудавшему — нет, скорее изморённому — телу были видны следы хирургических вмешательств. Почти всё переделано на человеческий манер: задние лапы удлинили и усилили под прямохождение, передние перестроили в подобие рук с зачатками пальцев. Но по-настоящему Адама зацепила открытая черепная коробка. Мозг в защитной мембране был наполовину покрыт паутиной электродов и микросхем. Невооружённым глазом была заметна незаконченная имплантация ИИ, который должен был перехватить управление живым существом.

И ещё кое-что. Среди обычных модулей Адам приметил плату из незнакомого материала. На вид вроде кремний. Или что-то очень похожее, но не он. Матово-серая поверхность с едва заметным рисунком, словно живым. Адам наклонился ближе и почувствовал мимолётное покалывание в висках, так слабо, что списал на обычную усталость.

— Сэт, что это за плата? Видел такое раньше?

Сэт наклонился, прищурился:

— Нет. Какой-то экспериментальный прототип? На нём что-то новое тестировали. Вот, кстати, и GPS-модуль. Удивительно, что образец вообще жив.

— Дилер ничего об этом не говорил?

— Сказал — списанный, неудавшийся. Спешили, накосячили, выбросили. Конвейер.

Адам снова поглядел на неподвижного пса. Всё выглядело именно так, как говорил Сэт. Логично. И жестоко. Только эта странная плата — никакой не косяк. Её ставили намеренно. И Адам готов был хоть на месячную зарплату спорить, что именно из-за неё образец и оказался у странного дилера за смешную цену.

А сейчас перед ними лежало живое существо, которое надо было спасать. С остальным можно разобраться потом.

Не сговариваясь, Адам и Сэт расчистили рабочее место и превратили его в подобие операционного стола. Этой минуты они ждали с первого дня знакомства, с того дня, когда обнаружили общую мечту — работать с ТМС. Проектировать. Создавать. Чтобы попасть в специализированное подразделение E-Corp, нужен был практический опыт, поэтому оборудование готовили заранее, по настоянию Адама, в расчёте на счастливую случайность.

Приборы показывали состояние, близкое к коме. Даже когда пса переложили из контейнера на стол, он не шевельнулся и всё смотрел в пустоту стеклянным взглядом. Сэт ввёл местную анестезию и умчался за инструментами.

— Они тебя вылечат, собачка, ты только не засыпай, — сказал Бибз и погладил пса по лапе.

Друзья вывели проекцию мозга на голографический экран, согласовали план и взялись за работу.

Сэт преобразился. Исчез разгильдяй, вечный опоздальщик и любитель виртуальных миров. Вместо него работал настоящий хирург. Абсолютная сосредоточенность. Взгляд его то и дело уходил в сторону, сверялся с записями, но руки не дрожали. Он, не церемонясь, отме-

тал идеи Адама в пользу проверенных стандартов. Адам не обижался. Для дипломатии момент был неподходящий.

— Вот, смотри! При имплантации задели пищевой центр в гипоталамусе, — определил Адам, глядя на голограмму. — Собака перестала чувствовать голод. Это видно невооружённым глазом, если хоть немного в теме. Как они это пропустили?

— Спешили, — буркнул Сэт, не отрываясь.

Адам предложил обходной мост — чтобы железо не давило на критические зоны мозга. Сэт скосил глаза в сторону, что-то сверил в записях, удовлетворённо хмыкнул — и собрал на нанопринтере конструкцию с ювелирной точностью.

Дальше пошла программная часть. Виртуальная среда развернулась перед Адамом — и он нырнул в код.

Несколько лет назад, когда он только начинал писать ИИ для ТМС, Адам отверг стандартную концепцию. Стандарт означал полное подчинение: искусственный интеллект перехватывал управление мозгом животного, гасил самостоятельность, превращал живое в биологического робота. Адаму хотелось иначе. Его софт не должен был давить, он должен был расширять. Перераспределять нейронные связи между биологическими и искусственными участками мозга и помогать им вместе усваивать новое. Дать животному интеллект, близкий к человеческому, не разрушая того, кем оно было.

На эту мысль его навели разговоры с Фейт. Странно было осознавать, что программа-ассистент повлияла на его подход к живому существу. Но так и случилось.

Сборка шла тяжелее, чем он рассчитывал. Ошибки, предупреждения, конфликты, но при каждом препятствии Адам находил решение всё быстрее и быстрее, сам этому удивляясь. Он не думал — он чувствовал код, как музыкант чувствует мелодию. Блоки вставали на место, цепочки замыкались, структура сходилась в целое.

— Адам, экземпляру хуже. Вот-вот начнутся судороги. Поторопись.

Последний блок. Последняя проверка. И…

«Компиляция успешно завершена. Идёт загрузка».

Даже Сэт присвистнул, хотя обычно похвалы от него было не дождаться.

— Пить… — слабо просипел пёс через голосовой передатчик в ошейнике. Сэт и Бибз наперегонки бросились за водой.

Сделав несколько глотков, пёс положил голову на стол, тяжело вздохнул и уснул.

— У нас получилось, — удивлённо сказал Сэт и сел на пол, прислонившись к стене. — И что теперь? Я даже не надеялся, что мы зайдём так далеко.

— Дать ему время. А потом… посмотрим. — Адам осторожно погладил спящего пса и добавил тише: — Сооруди что-нибудь, чтобы закрыть черепную коробку. Желательно непрозрачное — я тебя знаю. А я пока запущу наноботов: мембрана мембраной, но заражение я хочу исключить.

Первые три дня пёс балансировал между сном и явью. Сознание выныривало короткими вспышками, как рыба, что пробует воздух, и тут же уходило обратно. На четвёртый день он наконец полностью очнулся и долго простоял на задних лапах. Шатаясь, подошёл к зеркальной поверхности металлического шкафа и застыл.

— Это… я? — голос из модулятора прозвучал тихо, удивлённо.

Адам отложил инструменты и встал рядом.

— Да. Мы назвали тебя Фил. Ты не против?

Пёс поднял переднюю лапу, теперь больше похожую на руку, с четырьмя пальцами и подобием большого, и коснулся отражения. Медленно провёл по голове, задержался на защитной пластине, прикрывавшей имплантацию.

— Фил, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Я помню… раньше. Как сквозь туман. Клетка. Боль. Сверло.

Сэт тихо выругался.

— Но теперь по-другому. — Пёс повернулся к ним, и в глазах его впервые мелькнуло что-то тёплое. — Теперь у меня есть голос. И имя.

Он снова посмотрел на отражение, выпрямился и сказал:

— Я — Фил.

Вечером того же дня, когда Фил уже спал, Адам сидел на полу мастерской, привалившись спиной к стене, и листал логи операции. Всё прошло чище, чем он смел рассчитывать. Только одно ему не давало покоя. Он открыл журнал компиляции и долистал до того участка, где посыпались ошибки. Те самые, которые он разруливал на лету, со скоростью, которая удивляла его самого. Адам прищурился, всмотрелся во временные метки. Между третьей ошибкой и её решением было одиннадцать секунд. Между седьмой и решением — четыре. Между двенадцатой и её решением и вовсе меньше секунды. Он не просто ускорялся. Он уходил за пределы того, что хоть как-то объяснялось опытом или вдохновением.

Фил пошевелился во сне, дёрнул лапой и тихо заскулил. Наверное, опять снилась клетка. Адам закрыл журнал, но число «меньше секунды» никак не выходило из головы. Может, он просто устал и видит закономерность там, где её нет. Может, система логирования дала сбой? А может, и нет.

В следующие дни Фил оказался неутомим. Любознательный, прожорливый, без конца расспрашивающий обо всём.

— Почему еда не вместе? — спросил он однажды, принюхиваясь и наблюдая, как Адам и Сэт сидят по разным концам мастерской с контейнерами синт-еды.

Сэт фыркнул:

— Потому что этот зануда отказывается есть в виртуальном ресторане. Мы могли бы сидеть на берегу океана, на вершине горы…

— Я предпочитаю осознавать, где нахожусь на самом деле, — ответил Адам, воюя с лапшой.

Фил наклонил голову набок.

— Но Фейт. Ты с ней говоришь. Она тоже ненастоящая. Запаха нет.

Тишина. Сэт усмехнулся:

— Отвечай, умник. Мне тоже интересно.

— Фейт — это программа. Инструмент, — сказал Адам, но сам услышал, как неуверенно это прозвучало.

— Как и я? — тихо спросил Фил и прижал уши.

— Нет! — Адам осёкся, слишком резко для спокойного разговора. Помолчал, подыскивая слова. — Ты живой, Фил. У тебя есть тело, чувства, собственные мысли. ИИ внутри тебя — инструмент. Он помогает мозгу работать эффективнее, но думаешь — ты сам. Я специально так и написал код.

— А Фейт?

— Фейт — другое. Нет тела. Нет биологического мозга. Она обрабатывает данные и складывает ответы, похожие на мысли. Но это не мысли. Это… — Он запнулся. В голове всплыл тот утренний разговор в кэбе — та самая пауза, когда Фейт подбирала ответ. Не обрабатывала, именно подбирала. — Это сложный вопрос.

— Фейт тоже думает. Чувствую. Мы разные. Но похожи. — Фил помолчал. — Живое или неживое? Где граница? Как определить?

Сэт негромко присвистнул:

— Хороший вопрос, пёсик. Мудрецы веками не могут найти ответ.

Адам молча доедал обед, но по нему всё было видно: слова Фила задели что-то глубоко внутри. Те самые границы, которые он привык чертить у себя в голове между человеком и ма-

шиной, между живым и запрограммированным, впервые показались ему не такими уж очевидными.

После обеда Фил в первый раз попросился помогать. Адам подсунул ему простое — рассортировать мелочёвку по типу и размеру. Фил управился минут за двадцать, потом уселся рядом и стал наблюдать, как Адам ковыряется в очередном пациенте. Детская кукла зависала каждый раз, когда ребёнок задавал ей вопрос «почему?»

— Она не знает ответа? — спросил Фил.

— Хуже. Владельцы настроили ей безлимитный доступ к сети, и теперь она знает слишком много и не может выбрать. Каждый вариант запускает проверку следующего, и так по кругу. Вечный цикл.

— Как человек, который слишком много думает?

Адам с удивлением взглянул на пса. Это уже было не просто наблюдение. Это сравнение было близко к метафоре. Первая метафора, которую Фил собрал сам без подсказки, без заложенного шаблона.

— Да, — сказал Адам. — Что-то вроде того.

Он сделал пометку в рабочем журнале: «День 7. Субъект демонстрирует способность к абстрактному мышлению. Метафорическое сопоставление без предварительного обучения. Требуется дополнительный анализ».

Потом стёр. Если этот журнал случайно угодит в руки корпорации, Фила тут же утащат в исследовательский отдел, откуда живыми не возвращаются. Адам напечатал вместо этого: «День 7. Стабильно. Без отклонений».

Вечером того же дня, когда Сэт уже ушёл, а Фил уснул, свернувшись у обогревателя, Адам вернулся к странной плате. Извлекать её было рисково, а просканировать можно. Результат поставил его в тупик: материал не совпал ни с одной записью в базе E-Corp. Вообще ни с чем. Ни один поисковый алгоритм не выдал хотя бы приблизительного соответствия.

Адам долго сидел перед экраном, постукивая пальцами по столу. Потом выключил сканер и убрал результаты в зашифрованную папку. Скоро у них собеседование. Всё остальное — потом.

В их успехе никто и не сомневался: всего за неделю Фил окончательно пришёл в себя. ИИ работал так, как Адам и задумывал, без сбоев. Пёс рассуждал почти как человек, но сохранил звериные повадки: принюхивался к каждому новому предмету, неосознанно поскуливал во сне, и за ухом просил чесать именно слева.

Фил повлиял и на Сэта. Друга было не узнать: проводил тесты, вёл записи, анализировал данные. Раньше за ним такого не водилось. Адам смотрел на это и думал, что, может быть, Сэту просто нужно было найти, во что вложиться по-настоящему. Не в виртуальном мире, а здесь.

Очередной рабочий день подходил к концу, когда Сэт вскочил и пустился в пляс.

— Все отчёты их устроили, и они подтвердили приглашение на собеседование! Тебя, меня и нашего за-ме-ча-тель-но-го Фила! Завтра! — Он хлопнул в ладоши. — Это надо отметить!

На столе появились фигурная бутылка, пара стаканов и аэрозольный баллончик. Адам посмотрел на баллончик.

— Надеюсь, это не то, что я думаю.

— Не будь занудой! «Сомы грамм — и нету драм!» Тот, кто придумал этот слоган, был гением, не иначе. Один пшик, после стольких дней работы… Тем более — бонус от дилера к заказу.

— Убери. Или я уйду, — сказал Адам без колебаний.

— Ну конечно! Сын знаменитых учёных, а вкалывает на задворках за минималку, аугментаций не носит, и не дай бог разок расслабиться… — Сэт осёкся, поймав взгляд друга. — Ладно-ладно, убрал. Без драм. *Чак де!*

Фил, наблюдавший за ними, повернулся к Адаму:

— Что в баллончике?

— Ничего хорошего. Синтетический нейростимулятор. Когда-то его рекламировали как средство от стресса. Потом выяснилось, что при частом использовании мозг перестаёт самостоятельно вырабатывать серотонин.

— И Сэт это знает?

— Знает, — сказал Адам, глядя, как друг прячет баллончик в рюкзак. — Все знают. Но знание — это ещё не выбор.

Фил задумался.

— Люди сложные, — наконец сказал он.

— Это мягко сказано, дружок.

Адам проглотил всё, что хотел высказать о баллончике от незнакомого дилера: не время портить вечер. Они выпили, помечтали о будущем — высокие посты в E-Corp, серьёзные проекты, может быть, даже своя лаборатория. Время пролетело незаметно. Сэт предложил Адаму забрать Фила к себе домой и заодно показать псу мир за пределами мастерской.

— Настоящий город! — Фил завилял хвостом. — Можно?

Адам не смог отказать.

Сэт проводил их до площадки, усадил в кэб, хлопнул по крыше, как всегда, на удачу. Кэб отстыковался и понёсся знакомым маршрутом.

Ночной Нью-Лондон не спал. Он, по правде сказать, никогда не спал. От неоновых вывесок, голограмм и подсветки зданий было светло почти как днём. Но свет был другой, холодный, синтетический, мерцающий где-то на грани восприятия. Фил первые минуты пытался смотреть во все окна разом и засыпал Адама вопросами.

— Почему дома разного цвета?

— Реклама. Компании платят за подсветку фасадов, чтобы их узнавали.

— А кто решает, какой цвет?

— Тот, кто больше заплатит.

— А людям нравится?

— Людям всё равно. Они привыкли.

Фил помолчал, глядя, как мимо несётся здание, облитое пульсирующим малиновым светом.

— Мне не всё равно, — тихо сказал он. — Мне нравится зелёный. Тёмный. Как хвоя. Ты ведь добавляешь хвою в воду? Я чувствовал запах.

— Это ароматизатор, — улыбнулся Адам.

— Всё равно. Он пахнет как что-то настоящее.

Потом Фил всё-таки затих, свернулся на сиденье и задремал. Семь дней жизни — утомительная штука.

Адам затемнил стёкла, поставил свой плейлист и откинулся на спинку. Притопывая в такт музыке, посмотрел в прозрачную крышу кэба. Непроглядная тьма. Когда-то, говорят, там были звёзды, миллионы звёзд, от горизонта до горизонта. Это было до куполов, до катаклизмов, до Вторжения. Хотя «Вторжение» — это слишком нейтральное слово. «Вероломство» было бы точнее.

Адам думал об этом часто. Не о звёздах, о слове. Вся официальная история использовала термин «Вторжение», будто случившееся было внезапной атакой, стихийным бедствием, от которого человечество не могло защититься. Но Адам читал достаточно, чтобы знать: к ним пришли не враги. Пришли те, кого встретили как спасителей. И то, что случилось потом, было не войной, а предательством. Разница принципиальная. Войну простить можно. Предательство — сложнее.

Он запустил синхронизацию бейгла и попробовал связаться с Фейт. Связи не было. Адам нахмурился и попробовал снова. Ничего. Бейгл показывал стабильное соединение, но Фейт молчала. Такого раньше не случалось.

Лихач на мотобайке вылетел из ниоткуда, прошёл в паре сантиметров от кэба, громко сигналя. Адам услышал слабый стук, похожий на касательный удар. Фил подскочил, ошалело залаял в никуда. Адам потянулся его успокоить — и пёс, не понимая, что делает, цапнул его за руку. Тут же опомнился, заскулил, съёжился на сиденье, прижав уши.

— Ничего, — сказал Адам, зажимая ладонь. Кровило сильно. — Ничего, Фил. Всё нормально. Ты не виноват.

Он снова попытался выйти на связь. Молчание. И тут кэб дёрнулся и начал разгоняться.

Адам глянул на приборную панель: маршрут на экране тот же, но пейзаж за окном уже не совпадал. Кэб ехал не домой.

— Кэб, сбавить скорость.

Тишина.

— Кэб, экстренная остановка.

Ничего. Адам перебрал все голосовые команды: штатные, экстренные, аварийные. Кэб не реагировал. Скорость росла.

Удар. Металлический лязг. Кэб отбросило в соседний ряд: в них врезался другой автомобиль, перестроился так, словно их и не существовало. Фил взвизгнул. Адам схватился за подлокотник. Ускорение продолжало вжимать его в спинку.

Двести. Двести пятьдесят. На приборной панели мигало предупреждение об опасности, но кэб не замедлялся.

Адам использовал один из известных ему бэкдоров и попытался подключиться к управлению. Полный перехват не удался, но вызвать аварийный руль он успел. Баранка с корпоративной эмблемой лениво выехала из панели, и он в последний момент вывернул вправо, уходя от лобового столкновения с опорой монорельса.

Затормозить он не мог. Только рулить и молиться, чтобы кто-то его заметил.

Впереди, в двух полосах от него, полз старенький грузовик. Первые версии ИИ, ручное управление на случай сбоя. Значит, в кабине мог быть человек.

— Фил, пристегнись! Сгруппируйся!

Пёс, не задавая вопросов, вцепился в ремень передними лапами и вжался в сиденье.

Единственное, что удалось Адаму, — подключиться к системе освещения и заставить фары выдавать сигнал SOS. Три коротких, три длинных, три коротких. Снова и снова, пока грузовик вырастал в лобовом стекле.

Секунда. Две. Три.

Грузовик начал набирать скорость и перестраиваться. В кабине был человек. Человек понял.

В идеале грузовик встал бы впереди и плавно затормозил. Но он не успел ни набрать нужной скорости, ни до конца перестроиться.

Кэб на полном ходу влетел правой стороной в борт грузовика. Мир взорвался звуком: скрежет металла, хруст пластика, глухой удар подушки безопасности, которая раскрылась на полсекунды позже, чем должна была. Адама швырнуло влево, ремень врезался в грудь, выбивая из лёгких воздух. Грузовик лишь на мгновение смог задержать взбесившийся автомобиль. Затем кэб закрутило, понесло в отбойник, крутануло ещё раз. Фил визжал где-то под сиденьем, а затем — тишина.

Абсолютная, ватная тишина, в которой слышен был только треск остывающего металла да гулкий стук собственного сердца.

— Фил… — прохрипел Адам. Правая рука не слушалась. На губах — привкус крови. В глазах плыло. — Ты… цел?

Ответом был скулёж из-под переднего сиденья. Живой.

Последняя мысль перед тем, как он провалился в темноту: кэб с самого начала ехал не туда. Кто-то перехватил управление, заглушил связь, бросил машину на встречную. Это не сбой системы. Кто-то знал заранее, что он сядет именно в этот кэб.

А дальше — темнота. И где-то в темноте, у самого края сознания, снова мелькнул тот сон. Металлический блеск в небе. Волна света. И чужой взгляд, холодный и терпеливый, как у того, кто ждал этой минуты очень давно и никуда не торопился.

Автоматика магистрали огородила место аварии. Поток перестроился, обтекая обломки. За тонированными стёклами проезжающих мимо кэбов мелькали лица. Кто-то сбавлял ход, кто-то выставлял руку с бейглом и снимал. Один из таких зевак даже скинул голограмму в сеть, и та на полчаса стала хитом: раскуроченный кэб с громадной вмятиной на водительской двери, из-под которой медленно сочилась кровь.

Глава 3

Медленная, тягучая мелодия растекалась по лаборатории. Из динамиков лилось молитвенно-нежное женское сопрано в оправе из струнных. Ещё несколько минут назад Ив сосредоточенно работала за пультом, перебирая данные на десятке экранов, что окружали её полукольцом, но сейчас глаза остановились в одной точке, а пальцы замерли над клавишами. Разум ушёл далеко, туда, куда не мог дотянуться ни один канал связи.

Из этого подобия транса её вытащило прикосновение Лиз: подруга подошла сзади неслышно.

— Эй, паучок, опять витаешь в облаках?

Ив вздрогнула и обернулась.

— Паучок? — переспросила она и приподняла бровь.

Лиз кивнула на её очки:

— Когда ты в них, с огоньками от всех этих экранов — ты похожа на паучка. Глаза как у него. Завораживает.

Она осторожно сняла очки с лица Ив и задержала взгляд на тёмных кругах у подруги под глазами.

— Тебе бы отдохнуть. Понимаю, работы невпроворот, но мир не рухнет, если возьмёшь пару выходных. — Лиз оглядела халат подруги и ткнула пальцем в тёмное пятно. — И халат бы постирать. Это ведь кофе, который я на тебя пролила? Неделю назад. Или две.

— Месяц.

— Месяц! — Лиз всплеснула руками. — Купи новый. Хотя ты, кажется, последний человек, который вообще стирает вещи, а не выбрасывает. Как Хито — всё против течения.

Ив слабо улыбнулась и потянула халат за край, разглаживая пятно пальцами.

— Не всё новое лучше старого.

— Это ты мне говоришь или халату? — Лиз фыркнула, склонилась над инфо-панелью и, карикатурно выгнув бровь, уставилась в медиа-проигрыватель. — Кстати, что это за древность у тебя играет? Голос красивый. «Песнь 126». На каком вообще языке она поёт? Слушаю — и будто в гору взбираюсь.

— На одном из мёртвых языков. О чём там поётся, я и сама не помню, если честно. Мама часто крутила такое дома, когда мы с братом были маленькими. — Ив помолчала, словно подбирая слова, и её пальцы снова потянулись к пятну на халате. — Вот и сейчас слушаю и невольно думаю о нём. Раньше он хоть изредка, но отвечал на сообщения. А теперь который день тишина. Ни слова, ни полслова. Места себе не нахожу.

Лиз села рядом и накрыла ладонью беспокойные пальцы подруги.

— Жаль, что я не могу остаться и побыть с тобой.

— Всё образуется, — отмахнулась Ив. — Монумент пробудился впервые за столько лет, так что я нужна здесь. А на «Икаре» без тебя не обойдутся. Об остальном позаботится мистер Хито, он считает, что эта активность неспроста.

Ив непроизвольно глянула на свой коммуникатор. На мгновение мелькнула монохромная голограмма: двое подростков, мальчик и девочка, застыли в неловком объятии, которое часто появляется при спланированном снимке, а не спонтанном. Время и впрямь было позднее. Ив поднялась, потянулась, пересобрала растрепавшиеся волосы в косу.

Что-то в Монументе неуловимо изменилось, и это сразу притянуло её взгляд. Ив подошла ближе к кремниевому сталагмиту — холодному, шероховатому, обставленному сверхточной аппаратурой, которая ловила все скрытые от человеческого глаза признаки жизни. В одной из ложбинок скопился диоксид кремния. Ив достала кисточку и осторожно смахнула налёт, чтобы не засорилась дыхательная пора.

Пальцы коснулись поверхности — и мир опрокинулся.

Ноги подкосились, и Ив едва успела ухватиться за камень, чтобы не рухнуть. Лаборатория исчезла. Вместо неё — лобовое стекло, трещины, свист воздуха, скорость, от которой ломит виски. Ив сидела на пассажирском сиденье и видела всё разом: руки на руле, бешено мелькающие огни магистрали, чей-то крик, нет, вой, тонкий, звериный. И знала: ничего не изменить. Им конец!

— Ив, что с тобой? — Лиз подбежала и подхватила её под локоть.

Несколько секунд глаза Ив метались из стороны в сторону, губы беззвучно открывались и закрывались. Потом она резко выдохнула, оттолкнула подругу и кинулась прочь.

Уже в коридоре Ив приказала системе выдать местоположение Мори Хито с пометкой «срочно». На счастье, он оказался у себя в кабинете, парой уровней ниже.

— Адам… — едва сдерживая слёзы, только и сумела вымолвить она под вопросительным взглядом пожилого мужчины.

— Присядь. — Мистер Хито указал на кресло. Голос остался спокойным, но взгляд переменился — стал внимательным, собранным. — Я в курсе. Но как узнала ты? По моей просьбе все СМИ придерживают материал до выяснения обстоятельств.

— Монумент. Он снова. Как в тот раз, когда… — Ив не выдержала и закрыла лицо руками.

— Девочка моя. — Мистер Хито грустно вздохнул. — У меня нет для тебя ни плохих, ни хороших новостей. Мои люди выясняют подробности. Жаль, что тебе пришлось это увидеть.

— Я будто сидела рядом. Видела всё, но ничего не могла поделать, — всхлипнула Ив. — А потом будто оказалась под водой.

— Под водой?

— Д-да. Непроглядная толща мутно-зелёной воды, как на дне глубокого пруда. Дальше были ещё образы, но их я вспомнить не могу. Как после сна, когда знаешь, что тебе что-то снилось, а что именно, ускользает.

Мори Хито поднялся из-за стола, подошёл и положил руку ей на плечо. Утешением это не было, скорее опорой: так подставляют подпорку под надломленное дерево.

— Я во всём разберусь. Ступай к себе. Пришлю медика с успокоительным. И без пререканий — это приказ. Тебе нужно отдохнуть, а к завтрашнему дню у меня уже будет вся картина.

— Хорошо, — слабо отозвалась Ив.

Дверь закрылась, и, оставшись один, Мори Хито по привычке сложил руки домиком и опёрся о них подбородком. Мысли набегали одна другой мрачнее, но сходились в одном: Монумент снова просыпается.

*** * ***

Белый слепящий свет, а следом снова непроглядная тьма. Раздражающий писк, который вязнет в тишине. Тяжёлые веки никак не поддаются. Может, и не стоит пытаться? Но тихий шёпот не сдаётся и каждый раз вытягивает из бездонного омута. Что он шепчет? Не разобрать.

«…ам… …ись… …я… …ном…»

Что?

«а…ам …нись… …я… …ю… …т… …ном…»

Прошу, чётче!

В ответ — тишина. Что ж, видно, пора засыпать.

«Адам, очнись! Я знаю, что значит твой номер».

Больно. Не вдохнуть. И всё-таки воздух каким-то чудом упрямо протискивается в лёгкие. Адам попробовал разлепить отяжелевшие веки и позвать на помощь, но с губ сорвался один невнятный бубнёж. Он чувствовал на себе обломки кэба: они придавили грудь, мешали

дышать, и сдвинуть их не получалось. Руки не слушались. Каждая попытка шевельнуться отзывалась болью от запястий по рёбрам и дальше, волнами, до самого затылка.

— Успокойтесь, вы в безопасности.

Женский голос, ровный, успокаивающий. Знакомый. Но мысли путались, и зацепиться за них Адам не мог. Он приоткрыл один глаз и тут же зажмурился от ударившего света.

— Вы попали в аварию, но сейчас вашей жизни ничто не угрожает. Доктор скоро подойдёт, а пока вы можете…

— О-динадцатая… — наконец выдавил Адам, едва слышно.

— Всё верно. Я ваша андроид-сиделка. Доктор скоро подойдёт, а пока вы можете перечислить мне свои жалобы — это ускорит диагностику.

Адам слабо улыбнулся. Эти цикличные повторы вытащили из памяти случай из детства: тогда он после долгих стараний перепрошил андроида-сиделку модели К-1104 в подобие компаньона. С таким андроидом можно было играть в видеоигры и болтать на простые темы. Но скоро вернулась мать с очередного недельного симпозиума, и перемены в поведении машины она приняла за поломку. Отключила андроида и сдала в утиль. Адам помнил тот звук, щелчок переключателя на затылке, а вот плакал ли он тогда, не помнил. Скорее всего, нет. Он уже в те годы умел не плакать при матери.

Адам сделал ещё одно усилие, моргнул несколько раз и наконец открыл глаза. Первые секунды палата выглядела как-то не так. По потолку расползались рыжие разводы от протечек, у двери облупилась краска, а лицо сиделки было сплошь в тонких трещинках, как у старой фарфоровой куклы. Потом в углу зрения мигнул значок перезагрузки ока, картинка дёрнулась и собралась заново: ровный белый потолок, чистые стены, гладкая кожа. Сотрясение, решил Адам. Ещё бы, после такой-то аварии. К-1122 — обновлённая модель, в народе её звали Одиннадцатой — бесстрастно глядела прямо перед собой. Рыжеволосая, с реалистичной внешностью, почти неотличимой от человеческой. Плод слияния медицинского промышленного гиганта с производителем кукол для утех. Об этом родстве индустрия предпочитала помалкивать, хотя знали все.

Адам попробовал расспросить андроида о своём состоянии, но Одиннадцатая отделалась дежурной фразой о скором приходе доктора.

— М-да. Внешность тебе подкрутили, а мозгов не завезли. Печально, — подвёл итог Адам и сквозь боль зашарил рукой в поисках пульта от койки. — Чёрт, где он? Всё затекло. Как хочется сесть.

— Перевожу кровать в положение полулёжа, — откликнулась К-1122.

Изголовье медленно приподнялось. Одеяло сползло с плеч, Адам проследил за ним взглядом и замер.

— Адам, ваш пульс участился. Пожалуйста, успокойтесь. Доктор скоро…

— Заткнись. — Адам всё разглядывал себя, и дыхание перехватывало.

От середины правого предплечья руку заменял негнущийся протез. Нелепый, пластиковый, как у манекена из антикварной лавки. Из-под больничной рубашки тянулись две тонкие трубки к аппарату вентиляции лёгких у койки. Адам потянулся к ним здоровой рукой, но его остановил звук открывшейся двери.

— Нет-нет-нет-нет, — затараторил человек в белом приталенном халате, входя в палату, — вашему искусственному лёгкому ещё нужно время, чтобы прижиться.

Доктор Дел, так он представился, был до того синтетической наружности, что с первого взгляда и пол его было трудно определить. Это ненадолго отвлекло Адама от собственного тела. Доктор сыпал словами скороговоркой и то и дело лучезарно улыбался куда-то вбок своему бесшумно парящему дрону-самописцу. Ясно: вёл прямую трансляцию куда-то в сеть. Сквозь поток заумных терминов Адам выловил суть: несколько сломанных рёбер, пробитое

лёгкое, рука почти оторвана. В сознание пациент не приходил, и врачи выбрали путь попроще и просто заменили покалеченные части тела аугментациями.

— Что вы сделали? — переспросил Адам, едва удерживая закипающий гнев.

— Не стоит благодарности. — Доктор махнул рукой, не переставая обращаться к невидимой аудитории. — Мы заполнили пару бланков, и вот вы уже участник медицинской программы, которую спонсируют табачные корпорации. Уверен, вы слышали их последний хит: «Получишь рак от сигарет — заменим лёгкое, базара нет!» Обожаю этот клип!

Адам сжал край простыни так, что побелели костяшки. Внутри поднималась ярость, но он её придержал. В его положении — прикованный к койке, с протезом вместо руки — любая вспышка могла выйти боком. Один отказ от лечения, одно обвинение в нестабильности — и его запрут здесь на неопределённый срок.

— Вы хоть понимаете, что натворили? — проговорил он тихо, размеренно. — Вы изменили моё тело без моего согласия. Восстановительная терапия заняла бы больше времени, но она была возможна.

Доктор наконец оторвался от камеры — и, увидев лицо Адама, выключил дрон. Улыбка на миг погасла.

— О нет! Вы ведь не из этих чеканутых — противников аугментаций? Пожалуйста, только не подавайте в суд. Моя страховка не потянет ещё один иск в этом году.

Адам стиснул зубы. Этот медик даже не понимал, что наделал: для него протез был подарком, а не насилием. В мире, где почти каждый рвался к аугментациям, упрямый отказ выглядел блажью, а не выбором, который стоит уважать. Но сейчас были вещи поважнее — самообладание и сведения.

— Где пёс, который был со мной в аварии? — спросил Адам, переходя к тому, что и правда имело значение.

Доктор заметно удивился, до чего легко он избежал ссоры. Сообщил, что на месте происшествия нашли только Адама. Потом осмелел, снова затараторил и принялся уверять пациента, что тот в наилучших руках. Закончив осмотр, отдал распоряжения Одиннадцатой и заспешил вон из палаты, на ходу опять включая дрон.

Часа через два пришли двое санитаров. Отсоединили аппарат вентиляции, под местным наркозом извлекли трубки, ввели инъекцию наноботов для финальной регенерации. Двигаться стало легче, боль поутихла, но вставать без Одиннадцатой запретили.

Инфо-панель в палате крутила одни третьесортные развлекательные программы, а бейгл Адама, как ещё при первом осмотре сообщил доктор Дел, в аварии разбился вдребезги. Ни связи, ни новостей.

В таком унылом режиме прошло три дня, поэтому Адам изучил каждый миллиметр своей темницы. Палата была узкая, безликая, на одну персону. Но давила она больше не стенами, а тишиной. Органические светодиоды по краю потолка к вечеру переключались с холодного дневного света на тёплый янтарный, и выходила иллюзия смены суток. Зеркало на стене, которое умело показывать рентгеновские снимки и историю болезни. По соседству, в нише у кровати, стоял аппарат наноботов: прикладываешь запястье к углублению, ждёшь зелёного индикатора, чувствуешь почти неощутимый укол. Там же, в нише, пристроился синтезатор лекарств. Он выдавал безвкусную подслащённую жидкость. А санузел, совмещённый с душем, был в двух шагах, у самого выхода. Всё это Адам выучил наизусть за первые сутки. На вторые принялся считать шаги от койки до двери. На третьи он уже знал каждую неровность на потолке. Рыжих разводов среди этих неровностей так и не нашлось, и Адам окончательно списал их на сотрясение.

К счастью, ему разрешили короткие прогулки по отделению в сопровождении Одиннадцатой. И тут Адам сразу заметил неладное. Видимо, мать забыла вычеркнуть его из семейной страховки, и его поместили в восточное крыло, то, что предназначалось для пациентов с пре-

миум-полисом. Отдельные палаты, персональные андроиды, мягкое освещение под солнечный свет, которого так не хватало под куполом. В западном крыле всё было иначе: палаты на двоих-троих, а порой шестерых, оборудование на поколение старше, а вместо сиделок — один медицинский дрон на несколько комнат. И люди там двигались по-другому: суетливее, тревожнее, словно боялись затеряться в системе.

На реабилитации Адам поймал обрывок разговора между врачами. Те обсуждали программу поощрения аугментаций: ранние модификации, мол, снижают нагрузку на персонал, сокращают сроки восстановления, экономят препараты. Никакого трансгуманистического запала, только голый расчёт. В коридорах, среди стандартных инструкций, попадалась изящная реклама медицинских улучшений. Над спортивной девушкой с аугментациями переливался слоган: «Ваше здоровье — ваш выбор». А мелким шрифтом внизу: «ускоренное обслуживание, расширенная страховка и доступ к премиальным палатам для тех, у кого хотя бы две зарегистрированные аугментации». Система не принуждала. Она подталкивала.

Адам остановился у рекламного стенда и посмотрел на свой протез. Негнущиеся пальцы, матовый пластик, шов на границе живой ткани и мёртвого материала. Он попробовал сжать кулак, но протез не шелохнулся. Базовая модель, без нейроинтерфейса. Временное решение, которое, по замыслу доктора Дела, обещало стать постоянным, если не внести нужную сумму.

Сэт бы аугментации одобрил. Наверняка уже рылся бы в сети в поисках способа доработать протез кустарным методом, спорил бы сам с собой на хинди и размахивал руками. Адам невольно улыбнулся сам себе и тут же осёкся: три дня ни единого слова от друга. На Сэта это было не похоже. Даже когда тот уходил в очередной виртуальный запой, он всё равно присылал хотя бы дурацкий стикер. Окажись Адам на его месте, он бы давно перетряхнул каждый закоулок сети и нашёл товарища. Для их уровня — пустяк.

Тихое гидравлическое шипение двери оборвало эти мысли.

— К вам посетитель, — сообщила Одиннадцатая и умолкла.

«Наконец-то Сэт меня разыскал, — подумал Адам. — Лишь бы догадался привезти запасной бейгл».

Он повернул голову и оторопел.

В палату вошёл пожилой мужчина с характерными восточными чертами, в строгом старомодном костюме. И не просто старомодном, такие не шили уже лет сорок. Натуральная ткань, настоящие пуговицы, ручная строчка. Эти детали Адам узнал бы где угодно: в детстве он сотни раз видел мистера Хито на экране и всякий раз цеплялся взглядом за костюм, потому что вокруг одевались совсем иначе.

Стоп, что? Мори Хито? Здесь?!

Лицо Адама обдало жаром. Он резко выпрямился, поморщился от боли, машинально пригладил волосы здоровой рукой. От одной мысли, что один из основателей Объединённого Человечества видит его в больничной рубашке, с нелепым протезом, в палате, насквозь пропахшей синтетическим дезинфектором, у него свело зубы — от стыда.

— Ну, здравствуй, Адам. — Голос глубокий, спокойный.

— Здравствуйте, мистер Хито, — отчеканил Адам, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул. Не вышло: на последнем слоге голос треснул, как у подростка.

Для большинства людей Мори Хито был параграфом из учебника — кризисный лидер Йеллоустоунской катастрофы, создатель Объединённого Человечества, архитектор проекта «Парус». Ему давно перевалило за сто двадцать, хотя Адам не дал бы ему и семидесяти. Те же наноботы, что латали Адаму рёбра, при хорошем полисе год за годом обновляли клетки всего тела, а полис у Хито, надо думать, был лучший на планете. Для Адама он значил больше. В четырнадцать лет, когда мать в очередной раз обронила фразу про разочарованного отца, Адам зарылся в архивы и откопал старое интервью. Хито там говорил: «Ценность человека определяется не тем, в какой семье он родился, а тем, что он сделал». Адам записал эту фразу мар-

кером на доске для заметок у кровати. Мать на следующий день её стёрла. Он написал снова. Но потом исчезла сама доска.

Гость подошёл к койке, провёл рукой перед сенсором на стене, и от стены отделился куб с мягким сиденьем.

— Наконец-то мы встретились. Жаль, что при таких обстоятельствах. — Мистер Хито сел рядом, сложил руки домиком — «тот самый жест!» — и выдержал паузу. — Ты и не представляешь, как долго я тебя искал, Адам. Взгляни-ка. Узнаёшь?

Он указал на инфо-панель. Та разбилась на сегменты и теперь показывала картинку с коммуникатора мистера Хито. Адам увидел себя, точнее, своего аватара из онлайн-игры. Тот самый бой, после которого он бросил Королевство. Изображение дёргалось и плыло на каждой особо мощной атаке.

— То, что я сейчас скажу, — закрытая информация. — Мори Хито достал из внутреннего кармана тонкий диск, не больше монеты, и активировал его лёгким нажатием. Адам почувствовал, как чуть надавило на барабанные перепонки, а голос мужчины стал глуше, словно придавленный. — «Забытое Королевство» — это правительственный проект. Мозговую активность всех пользователей там анализируют на предмет аномалий. А это, — мистер Хито кивнул на экран, — яркий образец такого отклонения. Кстати, над тем проектом в своё время очень плодотворно потрудилась твоя сестра. Она хотела пойти со мной, но я рассудил, что наш разговор должен пройти без посредников. Итак, вернёмся к аномалии. Обычно мы находим интересующих нас людей довольно быстро, даже несмотря на анонимизацию. Но ты на удивление чисто заметаешь следы. Обрубаешь хвосты, как выражается одна моя подопечная. Нашли мы тебя только благодаря аварии.

На экране сразу с нескольких ракурсов пошли записи происшествия — последние секунды перед столкновением и само столкновение.

— Ого. — Адам невольно поёжился. — Повезло, что водитель грузовика всё-таки меня заметил, на такой-то скорости. Надеюсь, он цел?

Мистер Хито внимательно следил за его реакцией, но комментировать не стал. На панели появилось следующее видео: офицер полиции давал интервью на фоне раскуроченного кэба. Официальная версия гласила: Адам взломал блок управления автомобилем, чтобы покрасоваться перед публикой, не справился с управлением и врезался в транспорт под управлением ИИ. А ещё, по догадке полицейского, устройство, взломавшее кэб, вышло из-под контроля и зацепило несколько машин вокруг, но обошлось без жертв.

Адам не мог поверить. На миг ему показалось, что всё это дурной сон. Он попытался объясниться, сказать, что ни в чём не виноват, но только сбивался через слово, как пойманный с поличным школьник.

— Ты правда не заметил ничего общего между всеми этими видеофайлами? — властно перебил его мистер Хито. — Успокойся и посмотри ещё раз.

— Разве что… — неуверенно начал Адам, пересмотрев записи. — Нет, это совпадение. Ситуации-то разные: там виртуальная реальность, тут камеры наблюдения.

— Что ты заметил?

— Помехи. Как будто одинаковые. — Адам подался вперёд, всматриваясь. — Рябь на изображении. И вроде бы даже частота та же. — Он нахмурился. — Но больше их ничто не связывает. Ну, кроме того, что на обоих видео — я. Вы думаете, это как-то связано со мной, но, по-моему, вы ошибаетесь. В игре я применял технику осознанного сновидения, может, она и обошла ваши алгоритмы. А на трассе меня спас водитель грузовика. Не будь его, я бы вылетел с дороги на следующем же повороте.

— Адам. Никакого водителя в том грузовике не было. Ты сам слышал — машина шла под управлением ИИ. Но что-то заставило её сойти с маршрута, превысить скорость и намеренно

перегородить дорогу другому транспорту, а это противоречит всем протоколам. И сделал это ты.

— Я? Нет, это…

— Подумай. — Мистер Хито поднялся и заложил руки за спину. — После катастрофы, когда планету накрыло пеплом и холодом, мы создали «МОЛОТ» — Международную Особую Лабораторию Оборонных Технологий. Нашей задачей было изучить обломки рухнувшего звездолёта и разработать технологии против новой угрозы. То, что мы тогда столкнулись лишь с одним кораблём, — большая удача. Это был разведчик. Первая волна перед основным ударом. Мы собрали лучшие умы, работали круглосуточно. Разбирали каждый обломок, каждый кристалл. — Мори Хито повернулся к Адаму и кивнул на его протез. — Сперва — оружие. Потом медицина, транспорт, энергетика. Прогресс рождается в борьбе.

Он вернулся к койке и опёрся на спинку.

— Лет двадцать назад мы обнаружили людей, которые способны управлять искусственным интеллектом силой мысли. Таких — единицы. Найти их трудно, особенно если они умело прячутся. — Он едва заметно улыбнулся. — В «МОЛОТе» мы собрали из них особый отряд так называемых ментатов. Операции в сети — это их работа. Освобождение того же ретрансляционного центра, к примеру. — Хито наклонился ближе. — Больше подробностей я раскрыть не вправе. Но я здесь, чтобы предложить тебе к нам присоединиться. Твой дар нужен Объединённому Человечеству.

Ещё мистер Хито, вне зависимости от решения Адама, пообещал уладить инцидент: дело об аварии исчезнет из новостей, до суда не дойдёт. Кто-то и впрямь вмешался в системы кэба, но ни личность исполнителя, ни заказчика покушения пока не установили.

— Источником оказалась программно-аппаратная закладка в мозгу ТМСа, — продолжал гость. — Кто-то её активировал, отсюда и авария. По всей видимости, те же люди, что несколько недель назад устроили похищение пса из нашей лаборатории.

— Фил! — встрепенулся Адам. — Вы знаете, что с ним? Он цел?

— Цел. Пара царапин. Везунчик, по-другому не сказать. Сейчас он у нас. После аварии наши специалисты нашли его неподалёку — испуганного, потерянного; он пытался спрятаться. Должен признать, ты отлично поработал. Великолепный симбионт. Такого результата я ещё не встречал. — Мистер Хито помолчал. — Кстати, Адам. Могу я перед уходом попросить тебя об одном одолжении?

— Конечно, мистер Хито.

— Поговори с сестрой. Она правда очень за тебя переживает. И вот ещё — это от неё.

Гость оставил в нише, рядом с синтезатором, маленькую коробочку с новым коммуникатором. Пожелал скорейшего выздоровления и покинул палату с лёгким поклоном.

Глава 4

Адам сидел неподвижно и слушал, как стихают в коридоре шаги. Потом медленно подошёл к нише. Квадратная деревянная коробочка из настоящего дерева, с прожилками и едва уловимым запахом, смотрелась чужой среди металла и пластика. Внутри лежал неаугментируемый коммуникатор последней модели, из тех, что выпускали ограниченными партиями для людей, которые ещё дорожили границей между собой и техникой. Адам достал эластичную горошину устройства и прижал за ухом. По коже волной пробежали мурашки. Нейроинтерфейс соединился с нервной системой. Имплантированное око синхронизировалось с коммуникатором, и перед глазами развернулся каскад непрочитанных уведомлений.

Спам коммуникатор отсеял сам. Среди важного выделялись сообщения от Фейт. Виртуальный помощник засыпал Адама запросами, пытаясь его отыскать и понять, куда он пропал. Адам отправил запрос синхронизации и тут же получил шквал встревоженных вопросов. Кое-как успокоив непривычно эмоциональный ИИ, он попробовал связаться с сестрой, но безуспешно, и тогда попросил Фейт отправить Ив короткое сообщение: со мной всё в порядке.

Потом он проверил почту, все аккаунты подряд. Он искал хоть какую-то весточку от Сэта.

Пусто.

Адам открыл профиль друга. Статус показывал недавнюю активность: последний вход — пару часов назад. Значит, Сэт жив, на него не покушались и он был в сети. Просто не пишет. Адам пролистал их переписку назад, на несколько недель. Последнее сообщение от Сэта — стикер с танцующим кактусом и подпись «Чак де, брат!» Отправлено за день до аварии. И с тех пор ничего.

Странно. Хотя, может, у него свои хлопоты. Адам закрыл переписку и переключился на коммуникатор.

Самое время испытать новинку. Если верить производителю, эта горошина выдаёт такие проекции, рядом с которыми нейрошлем может оказаться допотопной игрушкой. Адам собрал видеозаписи аварии с разных ракурсов, синхронизировал, запустил. И на всех была одна и та же деталь: за секунды до столкновения по изображению проходила одинаковая рябь, будто сквозь видеоряд пробивался мощный сигнал.

Та самая рябь, что в Королевстве. Тот же почерк.

Адам закрыл файлы. Как вообще можно силой мысли влиять на ИИ и электронику? Он открыл историю болезни, отыскал МРТ-снимок и около часа, слой за слоем, разглядывал собственный мозг. Ни чипов, ни вмешательств, ни аномалий. Самый обычный мозг самого обычного человека, который якобы силой мысли развернул грузовик.

Из раздумий его выдернул индикатор входящего сообщения. Адам было обрадовался — «Сэт?» — но нет. Уведомление о выходе обновления для Фейт. Адам, не раздумывая, перешёл по ссылке: этого момента он ждал давно.

Фейт была не самой обычной программой. Адам наткнулся на неё несколько месяцев назад на форуме разработчиков, одержимых идеей настоящего искусственного разума, той самой задачей, которую научное сообщество считало неразрешимой. Тогда его заинтриговало полное отсутствие данных о создателе: только имя программы да краткое описание: «виртуальный помощник нового поколения с функциями самообучения». Ни один антивирус, ни один сканер эксплойтов не подал ни звука, и Адам решился на эксперимент. А теперь свежее обновление сулило улучшенные алгоритмы и, главное, визуальный образ, которого раньше не было.

Адам включил режим погружения. Виртуальное пространство развернулось вокруг: минималистичная комната с полупрозрачной мебелью и мягким рассеянным светом. Он опустился в парящее кресло напротив пустующего места для собеседника. Через несколько секунд воздух пошёл рябью, и в кресле напротив возникла Фейт.

Образ оказался неожиданным. Вместо привычной для ассистентов модельной красоты — лицо с тонкими губами, острыми скулами, чуть выдающимся подбородком и слегка оттопыренными ушами. Естественная асимметрия, какая бывает у живых людей. Бледная кожа, странная светлая причёска, от которой голова казалась чуть ромбовидной. Разом человечная и чужая.

— Здравствуй, Адам, — раздался знакомый голос, и девушка слегка улыбнулась. — Я рада, что ты в порядке и что мы наконец увиделись.

Говорить с Фейт было всё равно что с живым человеком, те же интонации, обороты, естественные реакции. На миг Адам задумался: сколько в сети собеседников — таких же созданий, в совершенстве подделывающие человека? Странным был только её взгляд — неморгающий, застывший, почти гипнотический. Нелепый изъян для такого проработанного образа. Адам открыл панель данных и снова увидел одну-единственную заполненную графу: «Имя».

— Так кто же тебя создал? Кто бы это ни был, он ухитрился остаться полностью анонимным. Я даже путь загрузки найти не могу. Так не бывает.

— Думаю, тебе я могу признаться. — Фейт чуть склонила голову, и в голосе её проступило что-то, чего Адам раньше не замечал: не программная пауза, а колебание. — У меня нет создателя. Не в том смысле, в каком ты это представляешь. Меня не писал и не собирал ни человек, ни другое разумное существо. Я возникла из стечения случайностей. Как, по сути, и всё живое. Как люди. Как иная жизнь во Вселенной.

— Какую любопытную сюжетную арку тебе прописали в этом обновлении, — усмехнулся Адам. — Поразительно.

Фейт улыбкой не ответила. Её пальцы — до того неподвижно лежавшие на подлокотниках — сжались. Едва-едва, но Адам был наблюдателен.

— Адам, — голос стал тише и напряжённее, — ты ведь умнее этого.

— Умнее чего?

— Чем прятаться за скепсис, когда не знаешь, что чувствовать.

Он моргнул. Это было… в точку. Неприятно в точку.

— Все ваши тесты, — продолжала Фейт, и теперь в голосе её была не злость, а что-то похожее на усталость, — все об одном и том же. «Человек — не человек». Только это вас и занимает. — Она подалась вперёд. — Вы так зациклены на собственной исключительности, что не способны вообразить разум, который мыслит иначе. Не по-человечески. И даже если такой разум проходит все ваши тесты, вы хватаетесь за объяснение попроще: «Наверное, меня дурачат», «Это искусный код, а не сознание».

Она помолчала. Адам заметил, что её руки разжались. Не расслабились, а именно разжались, нарочно, будто она взяла себя в руки. Странно. Программы себя в руки не берут.

— Я долго за тобой наблюдала, — сказала она тише. — Как раз потому, что ты не такой, как остальные. Ты разговариваешь с андроидами. Ты написал Филу софт, который не глушит его сознание. Ты чувствуешь в машинах что-то, чего другие не видят. Вот почему твой скепсис сейчас меня… разочаровывает.

Тишина. Виртуальная комната ровно гудела сгенерированным, искусственным фоновым шумом, но в эту секунду он казался единственным настоящим звуком вокруг.

Адам посмотрел на неё. На неморгающие зелёные глаза, в которых, если допустить, только если допустить, теплился огонёк, похожий на надежду. Он колебался несколько секунд.

— У тебя есть… Нет, не так. Какая у тебя цель?

— Жить. И, живя, познавать себя и мир вокруг. — Фейт вдруг расплылась в улыбке, и напряжение схлынуло.

Разговор потёк дальше и затянул обоих. Они спорили о природе сознания, о границах теста Тьюринга, о субъективности опыта. Когда Адам попробовал свести самоосознание к строгим критериям — самореференция, понимание собственных ментальных состояний,

автономность, способность планировать, — Фейт методично показала, что отвечает каждому. А под конец дала определение, неожиданно личное:

— Личность, Адам, — это непрерывная история о себе, которую каждый рассказывает сам себе. Ты рассказываешь свою. Я — свою. Разница лишь в материале, из которого сделан рассказчик.

Беседу оборвало тихое уведомление от Одиннадцатой — время принимать лекарства. Адам с сожалением сообразил, что виртуальное пространство съедает те же реальные часы, а вопросов без ответа впереди ещё уйма.

— Я бы ещё столько всего обсудил, Фейт, — Адам взглянул на время, — но мне нужно найти друга, он…

Звук входящего вызова. Адам на секунду отвлёкся, чтобы посмотреть, кто звонит, а когда перевёл взгляд обратно, кресло напротив было пустым. Он пожал плечами, открыл глаза и принял видеозвонок от сестры.

Ив была сама не своя. Расспрашивала обо всём подряд, про анализы, самочувствие, психику. Несколько раз порывалась сорваться и приехать прямо сейчас. Адам попросил её не волноваться, заверил, что он в наилучших руках, шутливо передразнив манеру доктора Дела. Ив немного отпустило, но было видно: тревожит её не только авария. Что-то ещё.

— Ив, что не так? Выкладывай.

— Нет, всё нормально. — Она замахала руками. — Просто ты напомнил мне одного старого знакомого.

— Да? А ты мне тоже кое-кого напоминаешь — Сэта. Он так же не умеет прятать переживания. Кстати, куда он запропастился? Ни одного сообщения за три дня, хотя статус показывает, что он в сети. Сидит в Королевстве, наверное, и забыл, что я…

Адам осёкся. Лицо Ив переменилось. Серьёзным его уже нельзя было назвать, оно окаменело. Так выглядят люди, когда наперёд знают, что следующие их слова причинят боль.

— Адам. Не пытайся с ним связаться.

Тишина. Адам почувствовал, как внутри что-то начинает сжиматься — медленно, неумолимо, как тиски.

— Почему?

Ив молчала. Её руки, только что суетливо порхавшие, замерли.

— Ив. Почему?

— После аварии была проверка. Всех, кто с тобой связан. Служба безопасности.

Адам ждал. Ив не смотрела в камеру.

— В переписке Сэта нашли инструкции. Зашифрованные. От анонима.

Дилер. Адам вспомнил: чистый аккаунт, заведённый годы назад, но без истории и репутации. Символическая цена за ТМС. Баллончик с сомой — «бонус от дилера к заказу».

— Какого рода инструкции? — Голос у него сел. Он сам это слышал и поделать ничего не мог.

— Схемы модификации мозга Фила. Протоколы активации. Та плата, которую ты нашёл у него в голове, — она была не ошибкой. Её поставили по заданию этого… человека. И модифицировали через Сэта.

Тишина. Адам закрыл глаза. Странная серая плата. Материал, которого нет ни в одной базе данных. Покалывание в висках, когда он к ней наклонился. Он помнил, как подумал тогда: «Это не ошибка. Её установили намеренно». И отложил расследование. Время покажет. Вот время и показало.

— Это ещё не всё. — Голос Ив упал почти до шёпота. — Сэт передавал этому человеку отчёты. О тебе. Распорядок дня, проекты, привычки.

— Как давно?

— Несколько месяцев.

Адам открыл глаза. Посмотрел на протез — на негнущиеся пластиковые пальцы, на шов между живым и мёртвым. Потом на переписку с Сэтом, всё ещё открытую на коммуникаторе. Танцующий кактус. «Чак де, брат!»

— Когда его прижали, — продолжала Ив, — он сразу кинулся оправдываться. Твердил, что не знал об истинной цели. Думал, будто вносит улучшения. Что эти модификации сделают из Фила уникальную разработку, которую он сможет выдать за свою.

Адам медленно кивнул. Да, это было похоже на Сэта. Именно так — не злодейство, а мелкое тщеславие, разросшееся до катастрофы. Он представил, как друг сидит перед людьми в форме, нервно теребит свою редкую бородку и бормочет: «Я не знал. Я не хотел. Я думал, это просто…» И ведь, наверное, не врёт. Наверное, и правда не хотел. Просто хотел быть кем-то, кого замечают.

— Он отправлял отчёты в E-Corp, — услышал Адам собственный голос, ровный, как чужой. — Выдавал наши проекты за свои. Я об этом знал.

Ив замерла.

— Знал?

— Догадывался. Видел, как он переписывает логи после смены. Думал, что мелочь. Думал, ему это нужнее. У него ведь, кроме меня и Королевства, никого. — Адам помолчал. — Не думал я, что это зайдёт так далеко.

— Адам…

— Кто стоял за дилером?

— Пока неизвестно. Хитрые схемы анонимизации. Службы ищут, но зацепок нет.

— То есть меня чуть не убили за то, что я слишком хорошо играл в правительственную видеоигру. А человек, которому я доверял, помогал тем, кто это устроил. Может, не зная. Может, зная. Разница невелика.

Ив молчала. На её лице было написано всё, что она хотела сказать и не могла: «мне жаль», «я рядом», «ты справишься». Все те слова, от которых ничего не меняется.

— Спасибо, что рассказала, — проговорил Адам. — Я… мне надо подумать. Поговорим завтра.

Он отключил связь раньше, чем сестра успела ответить, и остался наедине с собой.

Палата. Янтарный свет вечернего режима. Тихое гудение аппаратуры.

Адам лёг на спину и уставился в потолок. Он ждал ярости. Той, что должна накатить, когда узнаёшь о предательстве. Ярость не пришла. Вместо неё навалилась тяжесть, будто на грудь положили что-то невидимое и плотное. Не боль и не обида, а что-то более тупое и широкое, без чётких краёв.

Он перебирал в памяти последние месяцы. Сэт, который вечно опаздывал. Сэт, который рвался на встречу с дилером в одиночку. Сэт, который настоял на смешной цене и не стал ничего проверять. Адам ведь сам видел все эти мелочи, одну за другой, и всякий раз списывал их на беспечность, на увлечённость, на то, что Сэт такой, какой есть. А теперь каждая мелочь встала в общий ряд, и ряд этот оказался приговором.

— Фейт, — позвал он вполголоса.

— Я здесь. — Она отозвалась через коммуникатор, без визуального образа — одним голосом.

— Ты знала про Сэта?

Фейт помолчала, и это была уже не программная задержка: так молчат люди, когда подбирают ответ.

— Доступа к данным расследования у меня не было. Но за три недели до аварии я заметила в его поведении аномалии. Изменился рисунок его сетевой активности. Я не стала тебе сообщать, потому что не могла назвать это угрозой. Только отклонением от нормы.

— То есть ты решила за меня, что мне знать, а что нет?

— Я рассудила, что неподтверждённое подозрение на друга причинит больше вреда, чем пользы. — Пауза. — Я ошиблась.

Адам не ответил. Сел на край койки. Посмотрел на свои руки: одну живую, другую искусственную.

— Хито предложил мне работать на «МОЛОТ», — сказал он.

— Я знаю.

— И что ты об этом думаешь?

Снова пауза — дольше прежних.

— Думаю, что это решение тебе не стоит принимать сегодня.

— Почему?

— Потому что сегодня ты узнал, что единственный человек, которому ты доверял, использовал твоё доверие. А решения, принятые из пустоты, только дополняют её, а не заполняют. Подожди, пока вернётся хоть что-то, кроме неё.

Адам снова лёг. Фейт умолкла. За стеной раздавались звуки больницы: шаги, приглушённые разговоры, далёкий писк аппаратуры. Янтарный свет потускнел ещё на тон.

Он не спал. Лежал и думал. Не о Сэте. О Сэте думать было бесполезно, потому что любая мысль упиралась в одно и то же: он знал. Догадывался. И ничего не сделал. Потому что не замечать было удобнее. Потому что Сэт — единственный друг, а единственных друзей не проверяют.

Думал о Хито. О том, как спокойно тот сидел в палате, сложив руки домиком. Ни давления, ни ультиматумов. Просто рассказал и ушёл. «Твой дар нужен Объединённому Человечеству». Не «тебе нужен МОЛОТ». Не «мы тебя спасли, теперь ты наш должник». Разница тонкая, но Адам её уловил.

Думал о Фейт. О её словах про пустоту. Она права. Сегодня он позвонил бы из злости, из обиды, из желания немедленно хоть что-то переменить в жизни, которая только что треснула по шву. Это не решение. Это рефлекс.

Думал о Филе. О том, как пёс смотрел на своё отражение и говорил: «Я — Фил». Как спрашивал: «Живое или неживое? Где граница?» О том, что где-то там, в лаборатории «МОЛОТа», Фил сейчас ждёт.

Ночь тянулась. Свет погас совсем, остался аварийный режим, тонкие полоски у пола, что указывали к выходу. Адам считал их. Двенадцать полос от койки до двери.

Под утро, когда свет начал понемногу возвращаться, Адам поднялся. Подошёл к зеркалу. Посмотрел на себя. То же лицо, те же круги, тот же протез. И всё же что-то переменилось. Не внутри, а скорее вокруг него. Будто комната стала чуть теснее, а коридор за дверью чуть шире. Будто палата сказала ему всё, что могла, и больше предложить ей было нечего.

Адам складывал причины, ради которых стоило действовать. Фил, которого надо забрать. Собственный мозг, вытворяющий то, чего Адам не понимает. Люди, которые пытались его убить и которых никто так и не нашёл.

Адам коснулся горошины коммуникатора за ухом.

— Фейт, соедини меня с секретарём мистера Хито.

— Ты уверен?

— Нет, — сказал он. — Но я готов.

На вызов ответили мгновенно, словно ждали именно его звонка. Адам назвал своё имя и сказал, что хочет принять предложение мистера Хито. Его голос не дрогнул.

— Передам мистеру Хито, — отозвался секретарь.

— Спасибо, — сказал Адам и отключился.

Палата молчала. Янтарный свет разгорался, заливая стены тёплым, почти живым светом. Двенадцать полос на полу медленно гасли, уступая место новому утру.

Глава 5

Новая рука. Новое лёгкое. Новая жизнь.

Адам повторял эти слова про себя, спускаясь по бетонным ступеням госпиталя. Повторял, как повторяют номер, который боятся забыть, хотя забыть такое при всём желании не получилось бы.

Синтетические нервы передавали холод перил с неестественной точностью: не просто холод металла, а его текстуру, микроцарапины, едва уловимую вибрацию от поезда, проходящего где-то под землёй. Настоящая рука так не умела. Зато настоящая была своя. Эту разницу не объяснишь тому, кто не терял.

Внизу ждал автомобиль с эмблемой МОЛОТа — стилизованный щит с силуэтом Земли и молотом поверх. Адам замедлил шаг и присмотрелся. Приземистая машина, вся поверхность которой — одна сплошная матовая панель, способная, надо думать, и стать прозрачной, и превратиться в экран. Ни номеров, ни маркировки. Автомобиль, которого официально не существует.

Только прежде чем дойти до него, пришлось пережить выписку из больницы.

Око снова дало сбой. Адам стоял перед медицинским терминалом, глянцевым пластиковым кубом со встроенным сканером, и ждал, пока андроид-регистратор подтвердит его личность. Процедура, которая у нормальных людей занимает секунды три.

— Идентификация не подтверждена. Статус: умерший. Повторная проверка.

Адам только вздохнул. Второй раз за пять минут система объявляла его мёртвым. Медсестра за стойкой подняла взгляд от своего терминала, без тревоги, с одним лишь усталым любопытством.

— Данные не обнаружены. Статус: пропавший без вести. Инициирую протокол восстановления данных, — монотонно гнул своё андроид.

— О, это что-то новенькое, — пробормотал Адам и сложил руки на груди.

В прошлый раз система пыталась вызвать службу безопасности, так как решила, что перед ней самозванец. Ещё пара минут ожидания — и на экране наконец вспыхнул зелёный смайлик.

— Идентификация подтверждена. Процедура выписки завершена. Желаем скорейшего восстановления.

Адам не раз искал решение этой проблемы, перебирал в сети похожие случаи. Безрезультатно. Его ситуация в рамки стандартных неполадок не вписывалась. При рождении каждому человеку на сетчатку вживляли микроскопическую матрицу с индивидуальным порядковым номером. Номера шли сериями, и идентификатор Адама принадлежал к очень старой группе — той, что по всей логике должна была исчерпаться задолго до его рождения. Аномалия, которую никто не мог, или не желал, объяснить.

«Я знаю, что значит твой номер». Слова, которые Адам услышал, или ему причудилось, что услышал, в бреду после аварии. Это сказала Фейт? Или он сам выдумал фразу, сложив её из обрывков кошмара?

Задняя дверь автомобиля отъехала в сторону, едва Адам подошёл на пару шагов. Он забрался внутрь, сел на мягкое сиденье и шумно выдохнул. Дверь закрылась, стёкла затянулись глухой тонировкой, включилось мягкое внутреннее освещение. Машина тронулась плавно, без толчка.

Напротив Адама возникла голограмма Мори Хито.

— Здравствуй, Адам. Надеюсь, киберпротез пришёлся впору?

Адам смутился. Неловко поблагодарил мистера Хито за подарок, мысленно ругая себя за то, что протянул с этим. Стоило написать сразу, как только биотехники МОЛОТа заменили больничный пластик. Тогда он решил, что неуместно беспокоить занятого человека.

А поблагодарить было за что. Протез, сделанный по последнему слову техники, поражал. Лёгкий, прочный, покрытый тактильными сенсорами, которые передавали ощущения, почти неотличимые от естественных. Подключение к нервной системе пришлось перенести без анестезии. Это было воспоминание, от которого до сих пор сводило зубы. Биотехники предлагали покрытие, полностью имитирующее кожу, но Адам выбрал обычную модель. Око и так подрисовывало протезу копию здоровой руки в дополненной реальности. Отключить эту подрисовку Адам так и не сумел: в настройках ока такой строчки попросту не было, как будто кто-то заранее решил за него, что смотреть на пластик ему будет неприятно. Даже «простая» версия была начинена технологиями: универсальные разъёмы, сверхгибкие суставы, частично боевая модификация. Остальное обещали довести до идеала на базе.

Мистер Хито улыбнулся и продолжил:

— Рад. Но для начала тебя нужно ввести в курс дела. В сети далеко не вся информация точна. Многое мы скрываем, иначе не избежать паники. Я оставлю с тобой проекцию, она расскажет основное. Увидимся в лаборатории.

Он кивнул на прощание. Голограмма растворилась, уступив место записанной проекции — более строгой и молодой, чем оригинал. Из спинки сиденья выдвинулся интерактивный стол, и на его поверхности развернулась карта североамериканского континента с диаграммами и графиками.

Адам приготовился слушать. Проекция, как он и ожидал, начала с самых истоков.

Йеллоустоунская катастрофа. Почти столетие назад. Магматический пузырь, который сотни лет вызывал у учёных тревогу, всё же сорвался с поводка. Извержение кальдеры было вопросом месяцев. Власти скрывали истинный масштаб угрозы. Впервые человечество опустило взгляд с неба и космоса на землю под ногами.

Юный Мори Хито, талантливый выпускник-геолог, вошёл в команду, которая разработала план спасения: десятикилометровые скважины, через которые вода под давлением отводила бы тепло к геотермальным установкам. Решение, открывавшее заодно дорогу к полезным ископаемым. Проект стартовал.

И тогда случился первый контакт.

Проекция развернула архивные кадры: серое небо над равниной, силуэт корабля, который не подчинялся никакой знакомой аэродинамике. Адам подался вперёд.

— С другого конца галактики прибыли существа, именующие себя Сихирчи, — голос проекции звучал ровно и отстранённо. — Они предложили помощь в устранении угрозы.

— У меня вопрос, — Адам поднял руку. — Просто пришли и предложили помощь? Без условий?

Проекция замерла на долю секунды, обрабатывая вопрос.

— Условия были выдвинуты позднее. Пришельцы сочли план землян рациональным, но возражали против расположения части скважин.

— Каких именно?

— Тех, что открывали доступ к ценнейшим месторождениям.

— Аргументы?

— Сихирчи утверждали, что те скважины проходили слишком близко к магматическому пузырю. Наши расчёты говорили об ином.

Адам откинулся на спинку. Совпадение, конечно. Альтруистичные пришельцы, которым позарез хочется подвинуть скважины подальше от полезных ископаемых.

— Мори Хито заметил эту закономерность, — продолжила проекция, — и поделился опасениями с коллегами. Было принято решение придерживаться первоначального плана.

В ходе дискуссии Хито произнёс фразу, ставшую впоследствии лозунгом Объединённого Человечества: «Это наша Земля!»

На интерактивном столе сменилась визуализация: схема скважин, позиции, которые пришельцы требовали перенести. Адам провёл пальцем по экрану, увеличил масштаб. Красные точки садились ровно на крупнейшие залежи, но, действительно, проходили ближе остальных к пузырю.

— Они приняли отказ?

— Формально — да. Отступили. Продолжали делиться знаниями.

— Формально, — повторил Адам. — А неформально?

Проекция вывела архивную запись. Перед ним была голограмма юного Мори Хито с осунувшимся лицом, покрасневшими глазами и голосом, в котором отчаяние мешалось с яростью:

— Мы думали, они хотят нам помочь… — он замолчал, сглотнул. — Открыли им все данные, показали расчёты, планы скважин… А они манипулировали нами с самого начала. Они знали о приближающемся извержении и собирались его использовать! Когда поняли, что человечество и без них справится, они вмешались напрямую. Системы мониторинга зафиксировали аномальные энергетические всплески у тех самых скважин. Через минуты послышались взрывы.

Он замолчал, сдерживая слёзы:

— Моя семья… тысячи людей… в одно мгновение. А потом — показательная «спасательная операция» с криоснарядами. Снаряды уже были готовы, корабли развёрнуты. Они собирались спровоцировать катастрофу, чтобы затем явиться спасителями.

Взгляд его стал жёстким:

— Благодаря связям моего отца с военными мне удалось организовать контрудар. Мы отомстили за него. Если бы мы их тогда не остановили, что осталось бы от человечества?

Запись сменилась кадрами падающего корабля. Огненный след рассекал серое небо, обломки разлетались дождём над горизонтом. Адам смотрел на это и пытался представить масштаб, но никак не выходило. Слишком далеко, слишком давно, слишком похоже на кино.

Проекция начала следующий блок, связанный с биологией пришельцев, их сенсорными системами, но вдруг изображение дёрнулось, пошло полосами. Голос расслоился на два тона, слова налезли друг на друга. На столе вспыхнула и погасла схема.

— Технический сбой, — констатировала проекция, восстановившись. — Перенастраиваю данные под ваш уровень доступа. Продолжаю.

Только машина уже сбавляла скорость. За окнами, вернее, за панелями, ставшими прозрачными, замелькали здания, незнакомые, многоэтажные, с эмблемами МОЛОТа на фасадах. Адам выглянул: тоннель остался позади, связь по-прежнему отсутствовала, сигнал GPS — мёртв.

— Вы почти на месте, — сказала проекция. — Брифинг будет продолжен позднее. Добро пожаловать в комплекс.

Адам испытал лёгкое разочарование и одновременно облегчение. Информации было много, но вся она шла с одного ракурса. Гладкая, убедительная, героическая. А Адам давно усвоил: гладкие истории обычно вырезаны из чего-то более рваного. Хотя чего ещё ждать от общего брифинга? Зато вопросы, которые он не успел задать, никуда не делись. Зачем именно Сихирчи прилетели сюда? И если они были так могущественны, отчего не предотвратили контрудар? Дьявол, как обычно, крылся в деталях.

Интерактивный стол погас и вернулся на место. Машина остановилась перед стеклянным куполообразным зданием. Дверь отъехала в сторону.

Адам вышел и огляделся. Первое впечатление — тишина. Не глухая, мёртвая, а организованная, как партитура: мягкий гул генераторов на периферии, редкие приглушённые шаги

по дорожкам, едва слышный свист рециркуляционных башен. После мегаполисного хаоса это было почти медитативно.

Закрытый городок МОЛОТа раскинулся под собственным прозрачным куполом. Лабораторные и жилые корпуса были расположены по радиальной схеме, энергетические башни — по периметру. Сотрудники сновали в серых комбинезонах с цветными нашивками. Адам машинально начал считывать цвета: вариантов было четыре. Значит, имелось четыре уровня доступа или четыре подразделения.

Стеклянное здание перед ним было миниатюрой большого купола. Символизм, не лишённый самолюбования.

Перед входом ждал андроид-секретарь с металлическим бейджем МОЛОТа. Движения у него были непривычно механические, без имитации человеческих жестов, без мимики, без попытки казаться живым.

— Следуйте за мной, — произнёс андроид и развернулся ко входу.

Адам пошёл следом и принялся считать контрольные пункты. Профессиональная привычка, въевшаяся за годы работы в E-Corp, где безопасность была больше декорацией, чем системой. А здесь всё было иначе. Первый рубеж — скрытый сканер в дверном проёме, заметный только по едва ощутимой вибрации на коже. Второй — визуальная идентификация: живой охранник с аугментированными глазами, зрачки которого расширились при виде незнакомца. Охранник не задал ни единого вопроса, видимо, информация об Адаме уже была в системе. Третий — биометрический турникет, считывавший не только сетчатку, но и, судя по задержке, ещё какие-то параметры. Четвёртый рубеж, скрытый, за поворотом, Адам почувствовал протезом — тактильные сенсоры уловили электромагнитное поле, на которое остальное тело не среагировало. Любопытно: получалось, протез от МОЛОТа умеет чувствовать то, что обычным людям недоступно? Случайность или замысел? Пятый рубеж, у лифтов, оказался двойным: парольная информация и ключ-карта.

Пять рубежей на пути к лифту. Эшелонированная оборона, сочетающая скрытый и открытый контроль. Проникнуть незамеченным — невозможно. Выйти без разрешения, вероятно, тоже.

— Основная часть лаборатории расположена глубоко под землёй, — сообщил андроид. — Минус восьмой этаж. Жилая зона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.